

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Владимировна

ЕТО Чистота

Анна Владимирова

Его истинная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44826087

SelfPub; 2022

Аннотация

Я шел за ней сутки без сна и отдыха... Лапы взяли в рыхлом снегу, когти вспарывали заледенелый камень... И я даже не заметил, когда они стали пальцами. Перед глазами стояла лишь она... Близкая, зовущая, дикая... и ненавистная. Взгляд застилала кровавая пелена: истинная! Моя! Здесь, в горах! Я искал ее по всему миру, но она нашла меня сама, выдернула из зверя и... подчиняла... Ненавижу! Убью тварь, как только доберусь! Ведь... у меня нет и не может быть... истинной!

Ранее выходила под названием "Истинная для мира". В книге добавлен бонус.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1	10
2	15
3	20
4	25
5	28
6	32
7	36
8	41
9	46
10	51
11	56
12	61
13	67
14	72
15	77
16	83
17	88
18	93
19	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анна Владимировна

Его истинная

Пролог

– Раздевайся...

Я тряхнула мокрыми волосами, пытаюсь проснуться.

– Что?

Мужчина медленно двинулся ко мне, заставляя вжиматься в стенку. Нос забивал застарелый запах сигарет, гнилого паркета и... свежего мужского тела.

Еще минуту назад я стояла в пустынном холле единственной в этом захолустье гостиницы в надежде переночевать и переждать снежную бурю. Мой отпуск подошел к концу, и пришло время долгой дороги домой... Я стояла за стойкой ресепшена, сонно млея в предвкушении горячей ванны и теплой постели, когда вдруг увидела лицо дедка, что как раз тянулся за ключом от номера для меня. Проследив его взгляд, я попала прямоком в свой персональный ад, минуя такое трудоемкое действие, как несправедная жизнь и мучительная смерть. Впрочем, последнюю мне вполне возможно придется сегодня пережить.

На пороге гостиницы, распахнув двери настежь, стоял... мужчина. Это если мягко сказать... про оборотня. Совер-

шенный убийца, абсолютно голый. Тело только-только закончило меняться, но взгляд все еще был звериным. И он смотрел на меня. Не успел он войти, а у ступней уже натекла лужица воды – остатки от моментально сдавшегося горячему телу оборотня снега. Тот, чье имя нельзя здесь даже думать без разрешения! Я и пикнуть не успела, как он схватил меня за шкурку и утащил в сторону ближайшего номера, рыкнув дедку еще не совсем изменившимся голосом:

– Звони Киру!

И вот теперь он, зашвырнув меня в дальний угол номера, приказывал мне раздеться... Нет, уродиной я себя не считала, скорее, наоборот. Но оборотень вряд ли меня мог рассмотреть в коконе пуховика с какого-нибудь пригорка и на что-то там позариться. Не рассматривают они... Собственно, поэтому я и чувствовала себя в безопасности весь отпуск здесь, в горах. Нарваться на оборотня у приезжей девчонки шансов «ноль», а у меня – так вообще «минус тысяча». И теперь происходящее казалось бредом редкого пошиба!

– Вообще-то у меня еще есть права здесь, или вы их уже аннулировали? – голос почти не дрогнул, но это все, что не дрожало у меня в складывающейся ситуации. Больше я ничем не владела.

– Здесь говорю я, – рыкнул зверь, подтверждая мои мысли. – Замолчи и делай, что сказал! Или хочешь, чтобы я сам?

Красивое лицо исказилось от презрительной усмешки. Он был очень красив, но холодной, режущей звериной красотой.

– Я бы предпочла, чтобы вы объяснили, что происходит...
– с упрямством, которого испугалась сама, выпалила я. – Или
я сейчас... впаду в неконтролируемую женскую истерику.

Пространство номера наполнилось нашим тяжелым дыханием. В свете, падавшем из коридора, я видела его лицо, освещенное с одной стороны противным желтым светом, от чего сияние его глаз казалось еще более холодным и пугающим.

– Ты облегчишь мне задачу и... свою участь, если сразу же скажешь, кто тебя подослал, – процедил он, явно начиная нервничать.

– Вы никак не способствуете моему успокоению, – я вжалась в стенку.

– Успокойся и снимай шмотки... – прозвучало тише обычного, но виски вдруг сдавило, а спину выгнуло дугой. А это значило, что переговоры закончились, и он просто дал мне команду подчиняться без слов. Я знала – звери это умели.

Трясущимися руками я начала медленно избавляться от одежды.

– Что вам нужно? – говорить все еще могла.

– Остатки клейма, – со свистом выдохнул он.

– Какого клейма?! – вскричала я и тут же оказалась прижатой к стенке.

Он порвал на мне толстовку на две части, будто та была бумажной.

– Кто тебя сделал моей парой?! – взревел он, а у меня все оборвалось и застыло внутри. Я даже не пыталась трепыхаться – страх сковал не хуже льда. Льда, который плескался в его прозрачных серых глазах...

Мысль, откуда я знаю, что его глаза – серые, поволокла за собой в какое-то спасительное небытие. Мне показалось, что я смотрю на него при свете дня... На его лицо садятся редкие снежинки, глаза цвета голубой стали пристально смотрят мне в душу, точеные жесткие черты лица пугают, но я все равно тянусь к нему всем существом...

– Мир... – выдохнула я в бреду и потянулась к нему дрожащими пальцами.

Меня снова тряхнуло, и я сфокусировалась на дико горящих глазах оборотня. Холод уже не продирает до мозга костей, бросило в жар. Он вжимал меня, обнаженную, в стену. Тяжелое рычащее дыхание пугало, особенно в царящей полутьме. Его запах путал мысли и превращал мои вдохи в короткие всхлипы. От него пахло мокрым зверем, холодом, терпкой хвоей и свежей кровью. Я стояла на носочках, и ключья моей одежды щекотали стопы.

– Твое имя! – глухо рыкнул он.

– Аня...

Его руки дрогнули. Он шумно втянул воздух и ослабил хватку, скользнув горячими ладонями на талию... и вдруг резко развернул к себе спиной.

– Кто бы это с тобой ни сделал – вряд ли желал тебе

добра, – глухо цедил оборотень, вжимаясь напряженным горячим телом в меня. – Мы с тобой оба сдохнем теперь, если я не трахну тебя...

В шею ударился горячий выдох, его руки сжались на бедрах до боли, и это привело в чувства. Я вскинула правую ладонь к губам и принялась зубами сдирать кольцо... Редкое. Использовать его можно раз в жизни в самый страшный момент. Был это он или нет – я не стала разбираться. Гладкий металл лег на язык, и я с силой до боли прижала его к нёбу.

Вовремя. В эту секунду зверь по-хозяйски раздвинул мне ноги и скользнул жесткими пальцами по чувствительной коже внутреннего бедра прямо к лону. Секунда – и он бесцеремонно запустил пальцы мне внутрь, прижав к своему напряженному члену.

– Ммм... – протестующе дернулась я, но тут его горячие губы скользнули по бьющейся на шее вене и следом слегка прикусили кожу, а член с силой толкнулся внутрь.

Никогда в жизни мне не приходилось одновременно испытать такое удовольствие, боль... и желание сдохнуть. А еще сожаление... об испорченном отпуске и потраченном редком артефакте.

Его руки только успели мягко огладить ягодицы, губы – скользнуть нежным поцелуем к уху, а сам он еще раз с силой вошел в меня, как комната стала таять...

– Аня... – рыкнул он, больно впиваясь в мое исчезающее тело. – Нет!!!

И я провалилась в пустоту.

1

В себя привел грохот в дверь и неясные угрозы за ней. Я открыла глаза и почувствовала резкий прилив дурноты. Поднявшись на трясущиеся ноги и ударяясь чуть ли не о каждый угол квартиры, я проковыляла к телефону.

В наших квартирах всегда проводили обычные телефоны... Мобильные часто сбоили.

– Лера... – прохрипела я, когда на том конце пропали гудки.

– Ань? – скопировал меня сонный мужской голос. – Ты где?... Который час?

– Лер, приедь, пожалуйста, я дома... Мне плохо...

Положив трубку, я скрутилась пополам. Внизу живота все резало и пульсировало так, будто зверь все еще был внутри. Стоило прикрыть глаза, меня обхватили его руки, рот наполнился слюной от густого запаха хвои... Я тряхнула мокрыми волосами и обвела мутным взглядом квартиру. Все было на месте, как и две недели назад, когда я уехала. Ничего не «повело» от выброса энергии при моем своеобразном возвращении. Грохот прекратился, но возня за дверью продолжалась.

– Надо ломать двери! – слышался вдруг сдавленный голос соседки. – Может, мертва уже!

«Если бы», – подумала я. Внутри все вскипело от злости:

– Оставьте меня в покое!!! – рыкнула так, что люстра из

морских стеклышек зазвенела под потолком.

Волна ментального приказа чуть не выбила дверь и не раз-метала моих спасателей с той стороны. И на этаже разом все стихло.

– Черт...

Дело было дрянь. Все, на что меня хватило – доползти до ванной и крутануть кран горячей воды. Там меня и застал друг.

– Анька... – выдохнул он изумленно, ворвавшись в ванную. – Твою ж мать... Ты решила заживо свариться?!!

Валера – мой старинный друг. В обычной жизни – симпатичный брюнет среднего роста с потрясающе красивыми большими глазами. Мы дружили с ним, как выяснилось, еще в прошлой жизни. И хотя спецам с кафедры прорицателей так и не удалось определить цель, с которой мы держимся друг друга, нас это ничуть не смущало.

Он вытащил меня и, закутав в халат, отволок в кухню. Свернувшись в большом кресле, я следила за Лерой, хлопочущим на винтажной кухне в обрамлении моих глупых мыслей о том, как он прекрасно в нее вписывался. Взгляд лениво скользил по потертому бирюзовому гарнитуру, фарфоровым ручкам, которые я нашла в Индии, оттуда же привезла темно-синюю вазу. Парень поставил чайник и сунул нос в банки со сборами, морща временами нос...

– С оранжевой крышкой... – подсказала я, удостоившись тревожного взгляда. – Буду жить, Лер...

– Смотрю, хорошо отдохнула... – покачал головой он, то и дело зыряка на меня напряженным взглядом.

– Все случилось сегодня вечером, – сжалась я в комок. – До этого все было прекрасно...

– Что случилось? – Лера поставил передо мной чашку горячего чая, и я тут же вцепилась в нее, как утопающий в спасательный круг. – Ань, от тебя... очень сильно пахнет... – я серьезно посмотрела другу в глаза, вынырнув из чашки. – ... жесь, как...

– На меня напал зверь... – выдавила я, вдруг пожалев, что позвала его. Как мне сказать другу, что меня... изнасиловали? Правда? Я совершенно точно помню, как сама выгибалась, подставляя попку под последнее движение мужчины...

При воспоминании об этом в животе снова все скрутилось и запекло.

– Кто? – вывел из ступора друг.

– Кто-то из высших... думала убьет.

– Зачем?

– Не знаю, он был в бешенстве... влетел в гостиницу вслед за мной, голый...

– Голый? – брови Леры поползли вверх. – Погоди... если голый, значит только обернулся.

– Понятное дело! – вскричала я, брякнув чашкой об стол.

– Ань... – Лера встал и присел на корточки рядом. – Расскажи, пожалуйста. Понимаю, что тяжело, но я так ничего не пойму.

– Он сначала попросил меня раздеться, собирался искать какое-то клеймо... – начала выдавливать из себя я, держась за его проникновенный взгляд. Что-то, а сексуальные похождения мы с Лерой не обсуждаем. – Потом прижал меня к стенке, начал сдирать одежду сам, а я глянула в его глаза, и меня накрыло...

Я вдруг явственно вспомнила свое видение: мужчина... солнечный свет, ослепительный снег кружится в воздухе искрами и садиться на его лицо, оборачиваясь мелкой росой. Мир...

– Я назвала его Мир... – по коже прошла волна мурашек, руки задрожали. В области солнечного сплетения что-то стукнуло и скрутилось тугим жгутом, вмиг согревая.

– Начинаешь пахнуть сильнее... – не мигая, констатировал друг. – Ань, плохие новости: он тебя присвоил... Что еще говорил?

Я тяжело сглотнула, пытаюсь взять себя в руки.

– Что мы сдохнем оба, если... он не...

– Понятно, не продолжай, – кивнул он. – Херово... а еще, знаешь что?

Лера достал айфон, что-то принялся там искать, и уже через несколько секунд сунул мне под нос фото... моего зверя. Только в человеческом обликии. То есть, в костюме...

– Он?

Я кивнула.

– Мда...

- Лера вернулся на стул и хмуро уставился перед собой.
- Лерк, говори, – потребовала я.
 - Это Мирослав Карельский, Ань... Высший правящий.
 - И что? – «тупила» я.
 - Тебя от него не спрячет даже Вальдемарыч.

2

– Спрячет? Ты думаешь, этот Мирослав будет меня искать?

Лера посмотрел на меня как на умалишенную.

– Не смотри так на меня, из нас двоих оборотень – ты! – вскричала я, но тут же виновато сникла.

Лера не был оборотнем в полном смысле этого слова. У него не было зверя. Мы никогда не обсуждали подробности и причины такого положения дел, но проблем у друга по этому поводу я не наблюдала. Обратни не рождались полноценными существами с возможностью оборачиваться. Когда их мужчины достигали зрелости, они отправлялись на поиски своего зверя. Если удавалось его обуздать – человек и зверь сливались, и мужчина становился полноправным членом семьи. Звери были разные, в зависимости от местности, где жила семья или которой она правила.

– Если Карельский вышел на тебя голым, Ань, это значит, что он был в звере, когда тебя услышал. Вышибить мужчину из зверя... – Лера хмыкнул. – Это очень надо было постараться. Но я его понимаю: если в его возрасте у него до сих пор нет пары, то понятно, почему он за тобой кинулся...

– Твою мать... – выдохнула я. – Но подожди... Он говорил, что искал метку... требовал рассказать, кто меня сделал его парой...

– Сделал?! Он идиот?! – воскликнул в праведном гневе друг. – Пары не... делаются!

– Ну, может, у него есть основания считать по-другому? Он вряд ли идиот, Лер...

Мы помолчали немного, чувствуя, как на плечи обоих опускается вязкая безысходность.

– Я кофе сделаю...

– Ты все же думаешь, он кинется меня искать?

– Это будет не сложно, Ань... Ты ему все вещи оставила.

Тут и до меня дошло. Рюкзак с камешками, вещами, сборами трав, книги... Твою ж мать!!!

– Да и учитывая, как именно ты улизнала – не долго догадаться, где тебя теперь искать.

Это да. Только веды могут пользоваться такими артефактами. Обратиться к главе ведов в Питере ничего не стоит, а связи позволят узнать, кто именно был на каникулах в Карелии.

– Но наши с оборотнями не дружат... – в груди снова стало леденеть. – Неужели сунутся?

– Аня, – Лера шелестел чем-то в шкафчике, не глядя на меня, – хорошо, что ты не подозреваешь, что испытал он, когда ты его бросила в самый важный момент его жизни... Поверь мне, он так себя никогда еще не чувствовал. Твой отходняк от артефакта – просто уютное чаепитие в «Зефирке и кролике» по сравнению с тем, что ощутил он.

Да так ему и надо!

– Я бы собрал сейчас твои шмотки и бросился в пожизненное бегство, – продолжал друг, – но это бесполезно. Карельский придет за тобой, и я уверен – договорится. Да он мир теперь на уши перевернет, пока не найдет тебя!

– Слушай, мне двадцать семь, на кой ему такая...

Друг бросил на меня раздраженный взгляд и закатил неодобрительно глаза.

Ну да, надеяться на то, что я ему не подойду внешне, вряд ли стоило. Я не была высокой, но и фигурой и лицом меня не обидели, компенсировав это на редкость гадкой одаренностью...

Лера опустился рядом с двумя чашками кофе и бутылкой коньяка.

– Можно это как-то разорвать, оспорить? Я же живое существо!!!

– Теоретически, да, но на практике... Они идут на все. – Он плеснул мне алкоголя в кофе. – Понимаешь, принцип «золотого сечения» работает в природе всегда. Чем больше ты будешь оттягивать один край прямой, тем ниже будет точка сечения...

Я понимала: сбегу – для меня компромиссом станет клетка с постелью и трехразовым питанием, но от меня, как от пары, не откажутся. Я глотнула обжигающего кофе с привкусом пластика – почему-то именно им мне отдавал коньяк, а не пресловутыми клопами – и поморщилась.

– Лерк... это какой-то тупик, – просипела я, чувствуя, как

горячие капли с одной стороны потекли внутрь, а с другой – по щекам. – Вот за что мне это? Будто было легко и просто! Еще этого Карельского не хватало!

– Сириусу больше не наливать... – пробормотал Лерка себе под нос. – Ты давно ела?

– Надо ехать к Вальдемарычу, – кусала я губы.

– Надо ложиться спать, Аня, – осадил меня друг. – А я пока попробую выяснить обстановку...

Но я отрицательно мотнула головой и поплелась собираться. Все равно надо было явиться пред ясны очи Магистра, раз уж отпуск... закончился. Только добрела до шкафа, как меня ошпарило мыслью:

– Лерк, а запах? – влетела я обратно в кухню, где друг жарил яичницу.

– А? – не понял сразу он. – Нет, запах только я слышу, – махнул беззаботно рукой, но вдруг замер и болезненно поморщился. – Блин, Аньк, я тебя трогал...

– Что? – нахмурилась я, чувствуя, что да, поспать бы не помешало.

– Старайся никому не давать себя трогать... – напряженно выдавил друг и сел на стул. – Он убьет меня...

– Да за что?! – вскричала я.

– Нельзя другим оборотням трогать чужую женщину... Тем более...

– Хватит! – рыкнула я не хуже оборотня. – Я никакая ему не «его женщина»! Секс, говорят, даже не повод для знаком-

ства!

Собрать себя и привести в божеский вид было непросто, но я все же явилась миру в своем привычном образе молодой женщины: обтягивающие джинсы и жакет, сапоги на каблучке и дубленка с капюшоном. Светлые волосы собрала в высокий пучок, а следы пережитого скрыла офисным макияжем. И красный блеск на губы. Яркое лучше всего отвлекает внимание...

Мы с Лерой вышли на утренний морозный воздух, и я поморщилась. Все же путешествовать предпочитала самым нерасторопным образом – на автобусе. С моими особенностями это был наиболее безопасный вариант передвижения. Артефакт же выплюнул меня дома в ту самую секунду, что забрал из отеля Ламберг далеко в Карелии... Голова резко загнула, и я снова пожалела себя: отлежаться бы дома денек...

Еще вчера утром я и предположить не могла, чем кончится мой отпуск...

Каждые полгода я сбегаю в окрестности Ламберга в Карелии в сруб на берегу маленького озерца – ламбушки. Баба Варвара – хозяйка избушки – стала мне почти родной за те пять лет, что я с ней знакома. Старая ведунья ушла на пенсию в далеких пятидесятых и теперь принимала таких немощных, обиженных даром ведунов, как я. Ее уединен-

ное житье, окружающая природа и – главное – отсутствие «всплесков» и «разрывов» в «душе мира» – как мы называли тонкую эмоционально-энергетическую оболочку мироздания – лечили мое истощенное мегаполисом существо. Полгода в Питере чередовались с двумя неделями в Ламберге.

И вот – на тебе! Долечилась...

Я ругнулась себе под нос от досады, скользя невидящим взглядом по толпе людей, рванувших из вагона метро навстречу. Взгляды-взгляды... пустые, одинокие... На их фоне перед мысленным взором снова начинал крепнуть тот цепкий, опасный, холодный взгляд Мирослава, который, казалось, оставил крючки-ледышке в душе, как в сказке про «снежную королеву». Только Мир был королем... Да еще каким!

Гул рванувшегося в артерии тоннелей вагона поглотил и смял мысли. Мы с Лерой молчали, думая каждый о своем. Вернее, я была уверена, что Лера думал сейчас только «о моем». Это было видно по его задумчивому напряженному взгляду, что он время от времени переводил на меня, забывшись. Интересно, а если бы у меня были муж, дети? Оборотень бы меня тоже не спросил? Хотела было поинтересоваться об этом у Леры, но не стала: какая разница, раз не было у меня ничего этого?

Мы вышли на станции «Парк Победы» и двинулись вдоль того самого заснеженного парка. Денек занимался на ред-

кость ясный. Деревья стояли в снегу, исполосовав снежный покров до самого забора своими тенями. Спортивные пенсионеры уже вспарывали хрустящую корочку снега лыжами, гоняя уток на озерах... Тишь да гладь. И никому невдомек, что на этом самом месте была открытая «воронка» такой черни, что местные утки вполне могли оказаться вдвое старше тех пенсионеров.

– Ань, – отвлек меня Валера. – Глаза светиться начинают, успокойся.

– Черт, – я тряхнула головой и спрятала нос в шарф. Выдержка давала трещину, но это и понятно. Если бы не шапка, у меня бы еще и волосы дыбом торчали!

Гостиница «Россия» встретила привычно: умеренной суетой на входе, невидящими взглядами и иностранной речью. Только обычный лифт таких, как мы, здесь вез в необычное место...

Через пять минут подъема мы с Валерой вышли в светлом коридоре, залитом лучами утреннего солнца. Но, если бы в Питере сейчас и было пасмурно, здесь все равно было бы также светло. Далеко в утреннем мареве виднелся занесенный льдом и снегом залив. Панорамные окна открывали вид на город совершенно с другой высоты, нежели могла бы себе позволить гостиница «Россия». Весь наш этаж находился в отличном от привычного пространстве, которое было одновременно и безопасным, и создающим нужное впечатление.

Я помню, под каким впечатлением была первый раз сама...

Это было восемь лет назад. Я приехала поступать в питерский мединститут, а вместо этого прямо с экзаменов меня отвезли сюда. Оказалось, что у меня – столь же редкий дар, сколь и паршивый. Таких, как я, среди ведов называли «психиками». Психики были редкостью, поэтому моим обучением большую часть времени занимался сам Магистр – Зул Вальдемарович – бессрочный ректор института ведов, а также верховный правитель Северного региона. Говорили, что я стала его любимицей, хотя не прикладывала к этому никаких усилий. И не питала никаких иллюзий.

Психики – незавидная одаренность. У нашего мира тоже есть душа, а соответственно – и душевное равновесие. Если представить душу мира в виде прозрачной пленки, то каждое событие в нем можно сравнить со взрывом. Маленькие, небольшие и... масштабные. Чем больше событие – тем сильнее колыхнется пленка. И такие, как я, это чувствуют. И могут восстанавливать.

Конечно, в заведомо опасные районы мы не суетмся. Убийства, насилие, сборища негативно и воинственно настроенных людей, теракты – места всех этих происшествий начинают тянуть из нас силу, затягивая пробойну. На такие «задания» мы выезжаем с командой, как «Охотники за привидениями». И даже с мигалкой, если пробки.

Самое страшное – война. С войны психики могут не вернуться вовсе – все зависит от подготовленности и опыта. Для такого масштаба «пробоины» мы становимся своеобразной

«заплаткой». Душа вытягивается из тела, и на этом «светлая» миссия психика заканчивается.

Каждого из нас могут в любой момент отправить «залатывать» какой-нибудь масштабный прорыв. Меня – совершенно точно с посмертной грамотой.

Простым людям кажется, что мирозданию все равно. У тебя горе, но солнце светит, а травка зеленеет. Но я знаю, что миру не все равно... Только, лучше бы не знать, насколько.

Коридоры института обычно никогда не пустовали. До сегодняшнего дня.

– Лер, что происходит?

Мне казалось, что все накопленные в отпуске силы сразу же меня и покинули. Конечно, «быть психиком» совсем не значит «быть психом»... Но нервные потрясения я переносила плохо.

– Успокойся, Ань, – друг взял меня за руку, не смотря на угрозу, – они здесь...

Внезапно пространство перед глазами крутанулось и выплюнуло нас возле кабинета Вальдымарыча. Вернее, меня одну.

– Лера! – крикнула я, озираясь, но дверь кабинета распахнулась, и на меня устремился знакомый пронзительный взгляд Магистра.

– Воржева... – Как много было сказано одним словом! Были тут и удивление, и досада, и восхищение. Только чем?

– Зул Вальдемарович... – только и успела пискнуть я, как он меня сцапал и втянул в пустую приемную.

– Раздевайся...

– ЧТО?! – неожиданно отскочила я от него, как ошпаренная. С некоторых пор эта команда включала внутри режим экстренной эвакуации с места ее получения.

– Дубленку снимай, – сдвинул седые брови мужчина. Вообще, Магистр хоть и был в летах, но представительницы женского пола этого в упор не видели. Всегда одетый с иголочки, аккуратно стриженный, с короткой бородой, которая даже мне нравилась, хотя я была яркой противницей модного веяния их отращивать. И даже морщинки вокруг его глаз были лишь атрибутом харизмы, но никак не возраста.

– Где Лера? – проблеяла я, подчиняясь.

– В безопасности, – коротко ответил шеф. – А теперь слушай меня внимательно... – Вообще, я рассчитывала, что слушать из нас двоих будут меня. – Сейчас заходишь в мой кабинет и молча садишься на свое обычное место... Молча! Я сам все решу!

– Что происходит? – поперхнулась я воздухом.

– Они здесь.

– Кто?

Вместо ответа Зул Вальдемарович оглядел меня придирчиво с ног до головы и, оставшись довольным, подхватил под руку и повел в кабинет.

– Хорошо выглядишь, молодец... Помни – молчишь.

И он втолкнул меня, по ощущениям, на арену к тиграм. Нет, конечно, его офис был далек от настоящей арены, разве что, может, такой же просторный и круглый. Ни одной стены – сплошная панорама без стыков, словно изогнутое жидкое стекло. А за ним – облака. Настоящее испытание для нервной системы. Я очень долго привыкала...

За большим квадратным столом посредине кабинета сидел незнакомый мужчина и изучал какие-то бумаги. На мое появление хищно сощурился и подобрался, вставая. В нем было метра два роста, серебристо-серый костюм бликовал при движениях. Внешность у мужчины была пугающая: холодные серо-голубые глаза, пронзительный режущий взгляд, острые черты лица. От него хотелось отвернуться, но что-то подсказывало – нельзя.

– Аня, это – Кирилл Карельский, – представил нас Зул, умудряясь на фоне гостя ничуть не проигрывать во внушительности, хотя был ниже и меньше. Кирилл даже не кивнул, промораживая меня взглядом, и я, удивляясь себе сама, отвечала ему таким же. Сколько мы так стояли – не знаю. Только я неожиданно вздернула верхнюю губу, обнажая передние зубы, и в этот момент брови Карельского поползли вверх.

– Кир! – раздалось рычащее позади меня, и я резко выпрямилась.

Я узнала голос. Он впился в спину мельчайшей острой ледяной крошкой, оставив на коже горящий след. Мне показалось, все исчезли... кроме нас. Остались я... и он... Я слышала его медленные шаги и сжималась все больше. Наверное, так приближается судьба, злой рок... А в моем случае – Мирослав Карельский.

Он обошел меня сбоку, не удостоив взгляда. Как и брат, он был в костюме, только темнее цветом, сидевшем, как влитой на его мощной фигуре. Мирослав был немногим ниже Кирилла, и я совершенно не могла предположить, кто из них старше.

– Садись, – вывел меня из ступора Зул Вальдемарович, и тут же обратился к братьям, – Анна Воржева, предмет договора.

– Что?! – вскочила я, едва начав присаживаться на стул.

– Почему от нее несет другим мужиком? – повернул голову Мирослав в сторону Магистра, и я словно ударилась взглядом о его непробиваемую маску. Голос был пропитан презрением и неприязнью.

– Какое... ваше... дело? – прорычала я, тяжело дыша. Хотела в нужном месте вставить «собачье», но инстинкты самосохранения возопили на все нутро... правда, все же с опозданием.

Мирослав резко развернулся и наконец удостоил меня взгляда. Нет, он хлестнул меня им наотмашь. Знакомые глаза цвета голубой стали, плотно сжатые губы, ... снежинки... Я снова начала куда-то уплывать.

– Анна, сядь! – рявкнул Магистр, заставляя меня вздрогнуть и прийти в себя.

– Пусть стоит, – властно скомандовал Мирослав и двинулся ко мне. – Дадите мне поговорить с «предметом договора» наедине? Вы же все равно знаете, что я соглашусь на все ваши условия...

Он не спускал с меня взгляда, испепеляя им заживо. И я не выдержала, дрогнув и отводя свой.

– Да, конечно, – кивнул Зул, красноречиво зыря на меня неодобрительно, но куда там! Кирилл, молчаливо созерцавший действо свысока, вышел вслед за моим боссом, и мы остались одни.

– Тебе не кажется, что то, что между нами было, дает тебе право обращаться ко мне на «ты»? – высокомерно усмехнулся Мирослав, застывая в двух шагах от меня.

– То, что было, дает мне право заявить на тебя в Ведовскую защиту, – огрызнулась я, понимая, что попытка обречена на провал сразу же.

Последовала усмешка.

– Куда бы мне на вас, таких ушлых ведов, заявить... – начал он, обходя меня медленно по кругу. – Или скажешь, не имеешь понятия о том, куда тебя втянули?

– Не имею понятия, о чем ты!

Мир помолчал, замерев за моей спиной. Потом вдруг сделал шаг, разделяющий нас.

– Я закончу то, что начал, Аня... – его рычащий шепот раздался над самым ухом, кожу шеи опалило слишком горячее для человека дыхание. Я замерла, тяжело сглатывая, –

Только... никогда не трахал шлюх.

Сама не поняла, как я это сделала. Только осознала себя, стоящей лицом к лицу с ним и горящей ладонью, которой огрела его мгновением назад. Он лишь слегка прикрыл глаза, шумно втягивая воздух, а рука у меня ныла все ярче. Кажется, зарядила отменно. Будет синяк. У меня.

– Обломишься, – не остановилась я на достигнутом, но все же делая шаг назад.

Взгляд Мирослава изменился. В него добавилось непонятное мне довольство и... любопытство. Он, казалось, вообще не заметил моей выходки.

– Значит, и правда не знала ничего... – наклонил по-звериному голову, ожидая. Я задышала чаще, обхватывая себя руками. – Хорошо... – протянул задумчиво. – Можешь быть свободна.

– Что? – мой голос дрожал.

– Можешь быть свободна, – повторил он холодно, – езжай домой, прими ванную и смой с себя запах чужого мужика... – его голос снова стал жестким. – ... если его можно назвать... мужиком.

– Не твое дело... – прикрыла я глаза. Да какое он имеет право осуждать Валеру?! Пусть Лера – «безоборотный», зато в тысячу раз... что? Человечней? Так наверняка именно поэтому!

– И, Аня... – Мирослав захватил отвоеванные мной два шага, разделявшие с ним только что. Его рука легла мне на

шею, а большой палец – на подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. – Я прощаю твое поведение сегодня только потому, что ты и вправду не виновата в обстоятельствах, заставивших меня оказаться здесь... – заговорил он, холодно глядя мне в глаза. – Но впредь... перечить мне, перебивать и поднимать на меня руки запрещено. Всегда помни, что ты ... – он наклонился ниже и выдохнул в губы, – ... моя.

– Шлюха? – презрительно скривила губы.

– Прости за это, я должен был выяснить...

Я дернулась из его рук, и он выпустил.

– Я не собственность! – попятилась к двери.

– Этот контракт, – Мирослав небрежно кивнул в сторону бумаг на столе, – утверждает обратное. Вечером я пришлю за тобой машину.

– Ты же сам говоришь, что я не виновата... – прошептала жалко. Запасы прочности иссякли, накрыло безысходностью.

– У тебя нет выбора... – последнее, что он снизошел мне сообщить, и отвернулся к двери. – Зул!

Я вылетела из кабинета Магистра, чуть не сбив его самого.
– Воржева, стоять!

Подняла горящие гневом глаза, замечая боковым зрением стоящего у окна Кирилла. Зверь скосил на меня глаза, прожигая взглядом, и я с трудом подавила желание огрызнуться. Смотрит на меня уже прямо как на свою собственность!

Внутри поднималась буря неконтролируемого негодования. Я им что всем, вещь?!

– Может, еще сидеть, лапу и голос?! – рявкнула я.

– Воржева... – побагровел Зул Вальдемарович. – А ну марш в комнату отдыха! И ждать меня!

Откуда во мне зыграло столько противоречий – понятия не имела. Еще вчера повысить голос на Магистра для меня было чем-то запредельным. Но, наверное, когда ты в один день превращаешься в жертвенного агнца, нужно вовремя разбудить в себе более лютого зверя...

Ни в какую комнату отдыха я не пошла. «Предмет договора»... У меня все сжималось внутри от брезгливости. Ни разу не слышала о том, чтобы ведов продавали в рабство зверям и делали «предметом»! Надо было выбираться...

Запрыгнув в такси, я помчалась домой. Сбросив с себя офисные шмотки, я запрыгнула в молодежные: теплый пуховик, штаны, шапка-носок, распущенные волосы из-под нее.

Собрала в рюкзак все необходимое – минимум белья, россыпь амулетов, лекарства, документы и деньги, и кинулась прочь из дома.

Северный округ – не единственный. Пусть здесь все пути к справедливости мне отрезали, но есть же другие! Тот же южный... До него быстрее всего будет добраться. Уже в метро я подумала, что лучше будет воспользоваться поездом. Пусть медленнее, но затеряться проще, ведь железнодорожных вокзалов в Питере несколько.

Я брела по зимним улицам северной столицы и чувствовала себя бездомной. В один день вся моя жизнь покатилась зверю под хвост! И Валере не позвонить – единственной родственной душе! Он с ума сойдет от волнений!

Усевшись в уличное кафе погреться и перекусить, я озабочилась поисками ближайшего по времени билета до Краснодара, а оттуда – уже на автобусах буду добираться в горную часть Карачаево-Черкессии. Я видела представителей южного округа на ежегодных встречах в Москве. На первый взгляд они были более... замкнуты, что ли. Выглядели старомодно, сдержанно, общались просто и дружелюбно. Это и вселяло в меня надежду. Главное – добраться. А там, я думаю, история о «торговле живыми «предметами договора» их заинтересует.

Я вытряхнула из варежки связку камешков-артефактов и, поперебрав их, выбрала нужный. Камешек булькнул в чай и с приглушенным стуком лег на дно чашки. Эти артефакты

сбивали мой «сигнал» – энергетический след. Магистру не составит труда меня найти, но с таким «чаем» и ему придется попотеть. Вообще мы эти камешки принимали перед выездом на случаи разрыва и дестабилизации эмоциональной оболочки, так меньше шансов, что утянет за ее границу. Но и в моем теперешнем случае пригодятся.

За окном быстро темнело, а в это время суток меня всегда тянуло к теплу и свету. С трудом заставила себя выйти на улицу и взять в руки. Я никогда не была авантюристкой, не срывалась с насиженного места в поисках приключений и новых ощущений. Наоборот. После тяжелой работы хотелось спокойствия: горячую ванную, теплые носки и чашку чая с травами. И чтобы никаких потрясений!

У меня даже отношения были стабильные целых пять лет. Со стабильным молодым человеком. Но они закончились два года назад по моей инициативе. Энергии на кого-то еще у меня не оставалось после работы, но обычному человеку это сложно понять... Саша устал от постоянно безжизненной меня, пытался таскать по врачам, зазывал в отпуска... Но как ему было объяснить, что это мое единственное нормальное состояние и другого никогда не будет? Было больно, но другого выходя я не нашла, решив, что отношения не для меня. Многие психики были одиноки, и никого я этим не удивила.

Я брела вдоль улицы, пытаюсь успокоиться и перестать себя жалеть. Начался снегопад... Снег ложился на мои следы, стирая дорогу назад. Все к лучшему... все должно быть, черт

возьми, к лучшему!

Вдруг рядом остановился автомобиль. Я не придавала этому значения, пока мне, бредущей по тротуару с поникшей головой, не преградил путь кто-то в джинсах и светлых ботинках. Резко вскинув голову, я оказалась лицом к лицу с Мирославом.

– Садись в машину, – не стал церемониться зверь, снизойдя до легкого кивка в сторону дороги.

– Я не согласна, – огрызнулась я.

– Обсудим, – отрезал он, но, надо отдать должное, ментальные приказы не давал.

– Что мы обсудим?! – вскричала я. – Сколько раз в неделю ты будешь меня иметь?!!!

Я думала, он меня размажет тут же. В глазах Мирослава отразился пугающий отблеск от фар проехавшего мимо авто, губы дрогнули в хищной полуулыбке.

– Ты себя давно видела? – наклонился он ближе. – Я приказал тебе принять ванную, но вместо этого ты шляешься по городу в виде резидента самой захудалой общаги...

– Вот и прекрасно! – вздернула я подбородок. – Так я пойду?

– До прекрасного тебе – как до Карелии пешком, – он подхватил меня под руку и рванул в сторону машины. – Пойдешь, куда я скажу.

Меня втолкнули в машину и захлопнули двери.

– Домой, – скомандовал зверь, усаживаясь на переднее сиденье, и машина мягко тронулась.

«Домой?» У Мирослава есть дом в Питере? Я обняла свой рюкзак, прижимая его к груди, и нахохлилась, хмуро гля-

дя на стремительно темнеющие улицы за окном. Часть меня продолжала стремиться к прежней жизни. Пусть та мне уже осточертела своим постоянным страхом и эмоциональным истощением, но я к ней привыкла! Но большая часть все же рвалась подальше, и я была с ней солидарна, только нас не спросили.

Мирослав застыл на переднем сиденье, но у меня от его близости начинало все дрожать внутри. Я чувствовала его, но не могла себе этого объяснить. Мне передавалось его напряжение, я слышала дыхание и знакомый запах зверя и хвойной смолы. Его профиль притягивал взгляд. Свет от фонарей скользил желтыми бликами по острым скулам и жесткому подбородку, бесновался в радужках глаз, делая его взгляд еще более диким, когда он поворачивал голову в сторону водителя. Мое сердце то и дело пропускало удары, сбивая дыхание.

Примерно через час автомобиль свернул с набережной в жилой квартал и остановился у какой-то малоэтажки, только весьма непростой на вид. Карельский вышел сам и открыл дверь с моей стороны, подавая руку:

– Пошли.

Я вылезла наружу, игнорируя его жест и огляделась. Тихий дворик, ухоженная территория... Мирослав провел меня под руку через холл первого этажа к лифту.

– Как ты меня нашел? – меняхватило ровно на пару секунд, чтобы смотреть ему в глаза. А вот ему это ничего не

стоило.

– Ты – моя истинная, Аня, – спокойно отозвался он, и мы вышли в коридоре верхнего этажа. – Зул вам не рассказывает о слабостях врагов? – усмехнулся устало.

– Ты говорил, что меня сделали твоей истинной, – не сдавалась я. – Это что, так просто? Трах-тибидох-тибидох, и вы уже подписываете договор о плюшках, что за меня получают?

С «трах» я, конечно, погорячилась, но Мирослав этого не заметил.

– Умница, – только и сказал он, открывая передо мной двери квартиры.

Свет в коридоре загорелся и явил мне совершенно неожиданный интерьер: стены были обиты деревом, им же здесь приятно пахло, под потолком вместо стильных конструкций из гипсокартона были вмонтированы балки... В зале, куда уже прошел Мирослав, горел настоящий камин.

– Иди сюда, – обернулся он ко мне, но я лишь попятилась. – Так и будешь там стоять?

Я усмехнулась и принялась стягивать с себя пуховик. Чувствовала его оценивающий взгляд и пыталась собрать остатки уверенности, но внутри все дрожало. И мне это не нравилось. Наша непонятная связь, похоже, плавила мне мозги!

– Что со мной происходит? – обернулась я.

– Я сказал, сюда иди, – раздраженно прорычал он, не спуская с меня взгляда.

Задержав дыхание, я шагнула в гостиную.

– У меня есть к тебе предложение, – приблизилась к нему и серьезно посмотрела в глаза. Пока мне еще есть, чем думать, нужно было не терять времени.

Он наклонил голову, казалось, врезаясь взглядом мне под кожу. Я даже отшатнулась.

– Пахнешь дымом... сдобой с корицей... бензином... – выдохнул он вдруг с таким восхищением в голосе, что я раскрыла от изумления глаза. – И снегом...

И он шагнул ко мне.

– Н-не трогай... – прошептала я, из последних сил заставляя себя стоять.

– Что за предложение? – напомнил зверь. Он сделал последний шаг, разделявший нас, и оказался спиной к камину. Его глаза горели в темноте, но мои, скорее всего, тоже.

– Снять с меня метку твоей истинной, – голос дрогнул.

Мне показалось даже треск поленьев в камине стих. Мирослав замер, словно оглушенный моими словами. Черты его лица по-звериному заострились, глаза зло сверкнули.

– Снять МЕТКУ?! – вдруг рыкнул он так, что я отскочила к ближайшей стенке.

Дальше Карельский повел себя пугающе и странно. Он заметался по комнате вдоль камина, отшвырнув с дороги журнальный столик так легко, будто тот был из папье маше. Из его груди рвался рык, руки сжимались в кулаки.

– Мирослав, что не так?! – вскричала я.

Зря.

Он резко обернулся на меня и в два шага оказался рядом.

– Истинная?! МЕТКА?! – рявкнул мне в лицо. И вдруг схватил за горло: – Беги, тварь, пока я тебя не разорвал к чертям...

Я вылетела на ночной воздух и бросилась к набережной, подворачивая ноги и падая в сугробы, которые за пределами двора этого дома словно и не разгребались вовсе. Родной Питер шугался меня, облаивая бродячими собаками, и возмущался сигналающими авто. Словно от меня рад был избавиться даже он, не говоря уже о Магистре!

А тут вдруг меня... вышвырнули?

Выбравшись на незнакомую набережную, я замерзшими пальцами кое-как вызвала такси, размышляя, продолжать убежать на юг или все же вернуться домой? Сомнения тут же разрешил сам Магистр:

«Домой, Воржева! – казалось, он умудрился рывкнуть на меня даже из смс. – А завтра ко мне в кабинет с утра!»

Действие «камешка» прошло, а обновить его мне было некогда, чем он и воспользовался. Вообще, силы и возможности самого Магистра для меня оставались загадкой. Он, казалось, мог быть везде, в любой ситуации и чужих мыслях, если только хотел. Другое дело, что на такое вмешательство уходило масса энергии, и если он решил так активно вмешиваться в мою жизнь, значит, все происходящее со мной для него имело очень большое значение. Кто бы сомневался! Интересно, что там было в договоре между ним и Карельским?

Уже сидя у себя на любимой кухне, я пыталась согреть-

ся, кутаясь в теплый плед и бесконечно подливая себе горячего чая. Колотило откуда-то изнутри, и саван холода, который, казалось, укрывал все плотней, расползлся на тонкие нити, опутывая коконом. Странно все это было. Ничего не хотелось... Чувствовала себя подростком, который попугал родителей демонстративным уходом из дома на полдня. Как же глупо!

Лера обрывал телефон, но я ограничилась смс, что со мной все в порядке, и обещала набрать его утром.

Просидев полночи в компании снегопада и любимого маленького светильника на окне, я переползла в холодную кровать. Снег меланхолично засыпал подоконник и столик с птичьими письменами – следами от лапок-веточек – на миниатюрном балконе. К утру будет снова чистый лист...

Не заметила, как провалилась в сон...

... И тут же увязла лапами в снегу. Солнечный свет ударил в глаза, рот наполнился слюной от хитросплетений тонких запахов, щекочущих ноздри. Я насторожила ушки и застыла, вслушиваясь в еле слышные шорохи... Зимний лес наполнял грудь каким-то теплом, мое маленькое сердечко стучало быстро-быстро, еле успевая перекачивать бурлившую от незнакомых эмоций кровь... Я мотнула мохнатой головой, чихнула...

... И села на кровати. Голова болела, в горле стоял непонятный ком, и было чертовски холодно, словно в квартире отключили отопление.

Зеркало не порадовало: лицо бледное, глаза – лихорадочно блестящие. Неужели заболела?

– Зул Вальдемарович, я не приеду сегодня, мне... – начала в трубку без приветствия, но Магистр на мой напор не купился.

– Жду через полчаса! – рявкнул он в ответ, и я сжала зубы, чуть не прикусив язык.

Конечно, я удвоила отведенное мне время на явление пред его светлые очи, хотя исключительно за счет утренних пробок. Собиралась я метеором.

– Совсем сдурела, Анна?! – взревел Магистр, едва я переступила порог его кабинета. – Сбежать думала?!

Босс был, как всегда, стилин и спокоен, идеальная борода даже не колыхнулась, когда он орал на меня.

– Меня не каждый день насилуют оборотни за какие-то договоры, по которым я прохожу «предметом»! – процедила я, раздув ноздри.

Магистр просквозил мимо меня и захлопнул двери кабинета за спиной:

– Аня, я все понимаю, но и ты должна понять... сядь, – он подтолкнул меня к ближайшему стулу и надавил на плечи, вынуждая на него рухнуть. – То, что произошло – случайность...

– А вот Мирослав так не считает, – вставила я.

– Аня, – Зул Вальдемарович сел рядом, – у Мирослава всегда свое мнение, которое он считает единственно пра-

вильным, но это не значит, что оно отражает объективную реальность...

– Вы же учили, что ее не существует, – упрямилась я.

– Условно!

– О чем мы все же говорим? – не вытерпела я.

– Мирослав долгие годы был проклят, – заговорил он спокойно, словно с сумасшедшей, – ему было предсказано, что у него никогда не будет истинной пары. Для оборотня это хуже всего, а для правящего – чуть ли не смертный приговор! Такой мужчина не может править после тридцати пяти лет, Мирославу уже тридцать четыре...

Глядя в ярко-синие глаза Магистра, меня вдруг затопила малодушная надежда, что вот он снова мне все объяснит, как делал это уже сотни раз, и я вернусь в свое скрюченное, но такое привычное и почти удобное положение для дальнейшего существования...

– Вам то какое дело? – насупилась я, шмыгая носом. – Мы же с оборотнями в контрах...

– В каких... «контрах»?! – скривился он. – Мы с отцом Мирослава и Кирилла всегда сотрудничали. Зачем нам война? Только недавно старика не стало... И тут вдруг ты.

– Вы что же, думаете, я – настоящая? – сама не верила в то, что говорила.

– Я уверен в этом, – в своей манере отвечивал Зул Вальдемарович, но я знала, что уверен он всегда был только в чем-то своем, ведомом лишь ему.

– В любом случае, это все уже не имеет значения, – откинулась я на спинку стула. – Мирослав меня вчера вышвырнул.

– В смысле? – нахмурился Магистр.

– В прямом, – пожала плечами. – Попросил меня убраться с его глаз.

– Что ты ему такого сказала? – подался мужчина вперед, вцепляясь в меня колючим взглядом.

– Он считал, что я ненастоящая, говорил про какую-то метку, вот я и предложила разобраться в этом... Ни ему, ни мне, как я думала, эта ситуация не выгодна.

– Воржева! – взвыл начальник, вскакивая с края стола.

– Что, Воржева?! – рывком поднялась следом. – Для вас это так просто все?! Мне плевать на Мирослава и его проклятье! Почему я?!

– Аня, это не выбирается! – взревел Магистр. – Научись, в конце концов, принимать судьбу с достоинством, а не ныть над ее несправедливостью!

Я прикрыла глаза, стискивая зубы, словно он отвесил мне пощечину. Воцарилась тишина.

– Аня... – позвал Магистр своим обычным голосом.

– Я... работать, – прохрипела я, разворачиваясь к двери. – Моя смена. Раз сделка по моей продаже расторгнута, то я, пожалуй, вернусь к работе...

Все, что услышала в ответ – напряженный вздох, а я, словно во сне, побрела коридорами, полными снующих сотрудников ведомства.

«Подведомственные веды. И коридоры ими полные...»

Меня знобило все сильнее, сознание уплывало в какие-то

бредни, и приходилось усилиями воли держать себя в реальности. Еле-еле доковыляла к лифту и его усилиями перенеслась в нижний ярус.

– Анька, с возвращением! – заверещала Зоринка, когда я ввалилась в раздевалку. Улыбка на конопатом лице вечно неунывающей девушки поблекла: – Ань... что такое?

Я тяжело упала в кресло и растеклась лужей.

– Кажется, заболела... – прохрипела я.

– Ну ты даешь, отдохнула! – всплеснула руками девушка. Белокожая, с темно-рыжими волосами Зоринка была «силовиком» – ведом с недюжинной силой, умевшей концентрировать ее в руках. Она могла сбить, к примеру, автобус... И почему Мир на нее не позарился? Вот бы удивился! Нет, выбрали самую немочь! – Давай-ка дуй домой, а то утянет еще куда – доставай.

– Нет... – тряхнула я волосами. – Надо работать. Пройдет.

Я тяжело поднялась и принялась равнодушно перевоплощаться в «охотницу за эмоциональными разрывами»: черный утепленный комбез, шапка-пидорка, чтобы волосы не лезли в глаза, рабочие значки-маяки, которые действительно выглядят, как значки.

– О, Воржева! – раздался мой любимый голос от двери, когда я вышла из женской раздевалки в коридор. Обессилено улыбнулась своему начальнику – Константину Вячеславовичу. Я была влюблена в его голос, и как-то по-особенному – в него самого. Ему было около пятидесяти, и более отзыв-

чивого, надежного, цельного и притягательного мужчины в своей жизни я не видела. Если от Вальдымарыча хотелось теряться, что ни говори, то к Константину – бежать со всех ног с любой проблемой. – Ты что такая бледная?

Он обхватил меня за плечи и всмотрелся в лицо.

– Аня, – попробовал лоб тыльной стороной ладони, – тебя Зул видел?

– Только что от него, – кивнула я.

Константин нахмурился:

– Странно... – взгляд светло-карих глаз продолжал вбуравливаться куда-то внутрь, сканируя, – я тебя сегодня отстраняю от работы, а с Зулом поговорю лично...

– Но Константин Вя...

– Давай в медпункт, Аня, – перебил меня начальник, – и все процедуры по восстановлению... что-то не нравишься ты мне... А я – к Зулу.

Еще раз переодеться стало для меня каким-то запредельным подвигом. Сердце скакало в груди, на лбу выступила испарина, руки дрожали. Туман перед глазами стелился все гуще, и я совсем забыла от том, куда меня послал Константин. Как вызвала такси – тоже помнила с трудом.

Отпустило только дома. Говорят, родные стены лечат. Туман остался за порогом, а вот температура, похоже, поднималась. Но теперь я соображала почти как обычно, только настораживала непривычная апатия. С трудом заставила себя что-то делать: закинула в ступку нужные ингредиенты и

травы, вплела слова... истолкла... и чуть не забыла выпить. Я сдавалась, только не могла понять – чему именно? Где-то на дне души, как кусочек зеркала на дне болотца, блестя отраженным солнечным лучом мысль «Звонить! Бежать к Зулу! Просить помощи! Искать ответы, пока не поздно!» Но дно было далеко, а тина – теплой и убаюкивающей. Добрела до постели и рухнула в нее, не раздеваясь, в джинсах и свитере...

И почти сразу же подняла голову где-то далеко в заснеженном лесу.

Вскочила на лапы и засуетился, нервно порывая. Перед глазами замелькали деревья, расчертившие тенями-крестами белоснежное полотно. Засохшие ягоды шиповника на кустах рябили перед глазами кровавыми каплями. Я спотыкалась, жалобно поскуливала и тяжело дышала, высунув язык. Вскоре с неба повалил снег, смешивая все перед глазами в одну белую кашу. Споткнувшись в очередной раз, я упала...

Резко вздохнула, силясь открыть глаза, но веки словно налились свинцом. Дышать было тяжело, воздух раскаленной массой проникал в легкие, разрывая их на части. Меня колотило, несмотря на одежду и теплое одеяло. Вот теперь стало по-настоящему страшно, и, были бы силы, я бы рванулась за помощью... Но сил не было. Ускользавшее сознание искало выход, рыская в темноте, словно тот зверь в заснежен-

ном лесу...

... Не было ни запахов, ни звуков. Снег равномерно покрывал мех, укутывая, остужая жар тела...

– Мир...

Казалось, прошла вечность. Только вдруг кто-то резко потряхнул за плечи:

– Аня! – услышала свое имя, словно находилась глубоко под водой. – Аня!

Чьи-то пальцы впились в шею, горящее обнаженное тело прижали к другому, такому же горячему... Да так стало жарко, что меня кинуло в пот.

– Я принимаю тебя... – мужской низкий густой голос потек внутрь, согревая, разгоняя кровь и унимая дрожь. – Принимаю...

Я резко вздохнула и заворочалась в крепких объятьях, чувствуя, как чья-то рука, надавливая, прошла вдоль позвоночника, вторая потянула за волосы, запрокидывая голову. Сухих потрескавшихся губ коснулись жесткие горячие, и тут же чужой язык скользнул в рот, вынуждая отвечать, требуя открыться, учащая дыхание... Я даже нашла в себе силы напрячь руки и попробовать оттолкнуть, но услышала в ответ протестующее рычание:

– Предпочтешь умереть? – и такая жгучая злость в голосе, что внутренности связало узлом.

Дальше он не церемонился. Мне казалось – я утонула в нем. Его руки касались везде, хозяйничали на каждом сантиметре моего дрожавшего тела, словно я давно и полно-

стью принадлежала ему. Не грубо, но настойчиво распаляя какое-то болезненное желание, не давая выбора, вынуждая отвечать...

— Аня... — он надавил пальцем на подбородок, приоткрывая мой рот, нежно поцеловал и выдохнул в губы, — ты должна меня принять...

Вторая рука, как по дорожке, скользнула по центру влажного живота, и, на этот раз не останавливаясь и не спрашивая, двинулась ниже, вызывая во мне бурю протеста, и, как следствие — резкое ухудшение состояния. Прилив сил неожиданно обернулся стремительным отливом, голова закружилась, и я снова начала падать в темноту.

— Аня! — рывкнул Мирослав, больно потянув за волосы. — Я сказал, ПРИНЯТЬ! Черт!

Он вдруг нежно обхватил обеими руками мое лицо, осторожно коснулся губ своими:

— Девочка моя, прости, что так вышло, но у нас нет выбора... Пожалуйста, не уходи... — голос его был все также тверд, но я слышала дрожь отчаянья где-то в его глубине, и вздохнула глубже. — Я не могу позволить тебе уйти. Я не отпускаю тебя, слышишь?!

Я слышала... Приподняв мордочку над лапами и склонив голову набок. Снегопад кончился, и перед глазами стелился выбеленный лист заснеженного озера, стыдливо алеющий в лучах заката.

Он закинул мою ногу себе на бедро, и, скользнув большим пальцем по губам, протолкнул его в рот:

– Кусай, если будет больно...

Его напряженная вздрагивающая плоть уперлась в лоно, и он с силой двинул бедрами. Зубы сжались на его пальце так, что во рту стало солоно от крови. Казалось, будто я не то, что никогда не была с ним, а вообще не была с мужчиной! Я широко раскрыла глаза и, наконец, сфокусировалась на лице Мирослава, выталкивая его палец изо рта. Черты его лица даже не дрогнули. Взгляд продирает до самого солнечного сплетения, выжигая оттуда всякий стыд и сомнения. Я не сдавалась, и он это видел, но ему было плевать. Я была его, и мы молча поставили в этом вопросе точку.

– Принимай, Аня... – перешел он к следующему, и снова с силой двинулся во мне, разжигая боль внизу живота. – Впусти меня... – обвел пальцем мои губы, медленно отстраняясь, завораживая, как хищник... – Давай... – рыкнул вдруг и сорвался в быстрый ритм.

Резко, глубоко... сильные руки обхватили бедра, приподнимая выше и рывками насаживая на его член.

«Нет!» – кричало все в душе, но тело откликалось на требование зверя. Я чувствовала, как какая-то новая часть меня признает мужчину, опуская перед ним ушастую голову с большими кошачьими глазами. Смерть перестала быть моим выбором, я горячо отвечала жизни и Мирославу «да!», дви-

гаясь навстречу, обхватывая его бедра ногами и выгибаясь, как кошка. Боль отступила вместе с моим сопротивлением... Грудь наполнялась предвкушением и горячими вдохами, кожа покрылась крупными каплями пота, очищая тело, я чувствовала себя так, словно рождалась заново...

...только никто не обещал, что эта новая жизнь будет лучше...

Мирослав рывком вышел из меня, разворачивая на живот, и сразу же навалился сверху, вдавливая в мокрую простынь. Я вскрикнула, но послушно приподняла бедра, углубляя его проникновение. Ощущения стали острее, каждое движение подчиняло и порабощало меня, заставляя рычать... Мир сделал очередной сильный толчок и замер. Его губы коснулись шеи, горячий язык обжег тонкую кожу на позвонках, и вдруг на ней сомкнулись зубы мужчины. Это было так неожиданно и больно, что я дернулась, взвизгнув, но он до боли сжал бедра и в несколько сильных движений довел нас обоих до иступления. Я уже ничего не соображала, когда мужчина хрипло застонал, впиваясь ногтями в кожу.

– Больно! – вырвалось у меня слово, описавшее лишь одно из моих состояний, и далеко не доминирующее.

Мне было хорошо... Я чувствовала себя так, как никогда. Я словно проснулась, проспав всю жизнь! Мирослав тяжело дышал мне в спину, не спеша оставлять в покое.

– Так надо... – выдохнул с трудом и увлек меня на бок, прижимая к себе спиной. – Спать.

Еще секунду назад я была полна сил прыгать и скакать неделю без сна, но после его команды все силы словно выросло. Будто мне их дали исключительно во временное пользование.

— Как ты здесь оказался? — прошептала я с закрытыми глазами, но он не снизошел до ответа на мой вопрос. Или я просто сразу уснула...

Проснулась я от того, что мой телефон надрывно звонил... Мира рядом не было, но пахло им все, в том числе и я сама. Ночь любви с ним выглядела феерически: простынь валялась на полу, моя одежда – там же, разорванная в клочья. Я спала на одеяле, укутанная им же. Между ног все липло и противно щипало. Кое-как поднявшись, я достала из шкафа футболку с шортами, оделась и вышла на кухню. Вернее, я застыла в коридоре. Мирослав стоял у стола ко мне спиной в одних джинсах. На мышцах плеч недовольно ворочались желтые блики от моей кухонной витражной лампы:

– Кто для тебя этот «недозверь», что все утро обрывает твой телефон? – оглянулся на меня.

– И тебе доброе утро, – фыркнула я. – Я – в душ.

Хотелось быстрее оказаться подальше, и не смотреть в его глаза. То, что произошло ночью, не укладывалось в голове. Я уже отвернулась от него, когда вместе с одним неувловимым движением оказалась прижатой к стене коридора. Широкая ладонь на моем горле не давила, а лишь удерживала, заставляя смотреть ему в глаза.

– Во-первых, – прорычал он, раздувая ноздри, – поворачиваться ко мне спиной и уходить, не отвечая на мои вопросы, – запрещено. Ясно?!

Я сжала губы, испепеляя его взглядом.

– Отвечай! – тряхнул он меня, и вдруг оскалился: – Не буди во мне зверя! Устанешь усыплять...

– Ясно, – процедила я.

– Мыться тоже пока что запрещено.

– Что?! – рванулась в его руках. – С ума сошел?! У меня все чешется... там, и вообще!

– Для меня важно, чтобы ты пахла мной, – тяжело сглотнул он. – Это мое правило, Аня...

– Я... хочу... помыться... – процедила, тут же облизав пересохшие губы.

Он приблизился к моему лицу вплотную и, почти касаясь губ, прорычал, скалясь:

– Я буду трахать тебя до тех пор, пока у тебя не останется сил отмываться от меня... – от его рычащего шепота не только перестало чесаться между ног, но и предательски запульсировало. – Поверь, для зверя, у которого столько лет не было пары, это станет самым лучшим вариантом развития событий сейчас. Я даже этого хочу... Так твое слово...

– Нет... – мотнула головой я.

Мир усмехнулся.

– По поводу твоих «нет» я просвещу тебя позже.

– А зубы почистить тоже нельзя? – разозлилась я, тяжело дыша и сжимая ноги. Его близость и подчиняющая энергия вызывали во мне дрожь.

– Можно, – отпустил он меня, выпрямляясь.

– Голову помыть? Подмышки? За ушами?

– Нельзя ниже пупка, – отвернулся он, не поддаваясь на мою истеричную провокацию. – И пожалуйста быстрее, у меня дела.

– Ну так я тебя не держу! – я все еще стояла возле стенки, прожигая ненавистным взглядом его спину.

Он не обернулся. До меня только донесся щелчок моего чайника.

– После завтрака ты переезжаешь ко мне, – услышала из кухни.

Я отлепилась от стены и поспешила уединиться в ванной, в которой и выплеснула все скопившиеся за столь короткий промежуток эмоции, смахнув половину баночек и флаконов с душистыми маслами.

Мирослав совершенно точно вытащил меня вчера с того света. Вряд ли ради меня, конечно. Он говорил, что мы оба сдохнем, если не... примем эту ситуацию и не подчинимся ее требованиям. Я настолько ушла в мысли, что уже чуть было не крутанула кран душа, стоя под ним.

– Б***ь! – выругалась в сердцах. Может, он издевается с этим требованием? Хотя, не похож Мирослав на того, кто бы опускался до такого. Да и мстить мне не за что – я такая же жертва обстоятельств.

Скользнув ладонью между ног, поморщилась.

– Фу... – скривила губы.

Наплевав на требование, я все же слегка обмылась влажной рукой, больше растирая, чем смывая, но все же это дало

хоть призрачное ощущение свежести.

Чистое бельё и вымытые волосы кое-как примирили меня с ситуацией. Легкий макияж окончательно вернул мне меня, вот только в зеркало я себя рассматривала дольше, чем обычно. По отдельности все было прежним, а вот вместе... Глаза. Что-то не то было с глазами... Они стали то ли больше, то ли поменяли цвет... Лицо из миловидного превратилось в немного хищное, и это пугало.

Когда я вышла в кухню, одетая, зверь стоял у окна, еле помещаясь в проем между столом и мойкой. На его фоне кухня словно уменьшилась вдвое. Он обернулся, скользнул по мне внимательным взглядом, раздул ноздри...

– Я бы предпочел, если бы ты не пользовалась парфюмом вообще...

Его настроение менялось странным образом: то он мне приказывал и угрожал, теперь вот выказывал предпочтение... Похоже, я не на шутку расшатывала самообладание зверя. И это ни черта не радовало.

– У меня есть выбор?

Я продолжала метаться в клетке, разведывая ее размеры. Лишь бы не обнаружить себя в капкане.

– Нет, – лязгнул его голос металлом, – и, кажется, тебе так проще... Садись и пей чай. Параллельно думай не о злой судьбе, а о том, что тебе нужно с собой взять. – Он сделал паузу, в которую дождался, когда я подниму на него взгляд. – Ты теперь принадлежишь мне. Основная твоя задача сейчас

– это осознать. А также то, что я – правящий, Аня. Я могу стерпеть твоё неподчинение наедине первое время, потому что понимаю – ты жертва обстоятельств. Но никогда не дерзи мне при других. Я предупреждаю тебя один раз, второго не будет.

По мере того, как он говорил, у меня все выцветало внутри, шло трещинами и осыпалось черепками. Пришлось вцепиться в чашку чая, что он приготовил. Кинув быстрый взгляд на жидкость и принявшись, удивилась: Мир разобрался в моих банках и без меня – чай он выбрал именно тот, который предпочла бы я сама.

– Относись к этому, как к браку по расчету... – тем временем продолжал он, – вам, людям, должно быть привычно...

– Брак по расчету заключается между женщиной и женщиной, а не между женщиной и начальником «предмета договора», – цедила я сквозь зубы.

– Это уже претензия не ко мне.

– Дорого я тебе обошлась? – нахмурилась я, поднося чашку к губам.

– Не важно, – коротко бросил он. – Ты не ответила на мой вопрос: кто тебе этот...

Подняла на него глаза от кружки.

– Ты спала с ним? Твой парень? – вцепился в меня жгучим взглядом Мирослав.

– «Этот» – мой спутник души, – вздернула я подбородок.

– Это не отвечает на мои вопросы... – скрипнул он зубами, начиная злиться сильнее. А я с каким-то мазохистским удовольствием отмечала, как ему шла ярость. Черты его лица заострялись, глаза темнели, желваки ходили из стороны в сторону. Казалось, он сейчас кинется...

– Он – мой друг. Так понятнее? – зло процедила я. – И его имя Валера.

– Что значит «спутник души»? – спокойнее поинтересовался он, делая медленный вдох.

– Наши души путешествуют вместе в различных жизнях, так говорят наши специалисты, – пожала плечами. – Без него я – сирота. И мне нужно ему позвонить!

– Ты пахла им вчера... – не спускал он с меня взгляда.

– Валера спасал меня тут после... портала... Мне было плохо.

– Хорошо, звони... – и он протянул мне мой же мобильный.

Но позвонить я никому не успела – раздался звонок в двери. Хотя, с чего? Та еле держалась на сорванных петлях. На пороге стоял взъерошенный Валера.

– Анька! – друг шагнул в квартиру. – Почему не отвечаешь?!

– Я... спала. Плохо себя чувствовала... – пожала плечами. – Прости.

Мне откровенно было не до друга вчера, если вспомнить, что я чуть не умерла.

– Зул говорит, ты уезжаешь...

– Уезжаю? – переспросила непонимающе.

Мы с Валерой стояли в коридоре. Он не делал попыток пройти, а я интуитивно отгораживала его от Мирослава, который остался в кухне.

– Что еще говорит Зул?

То, с какой скоростью Магистр получал информацию, поражало. Я же ему лично вчера рассказала, что Мир меня вышвырнул. Только он не просто меня выгнал, он тогда отка-

зался от меня и нашей связи. Поэтому я чуть и не умерла...

– Чтобы я не приближался к тебе, – напряженно процедил Валера. – Что с дверью? Он здесь?

Я кивнула.

– Все нормально, он знает...

Но Лерка рванулся мимо меня в сторону кухни.

– Лера!

– Если ты ей сделаешь больно, я тебя из-под земли достану... – застала я, чуть не врезавшись в спину друга, стоявшего посреди кухни.

Мирослав застыл в двух шагах, глядя на Валеру исподлобья. Он лишь повернул голову по-звериному на бок, и Лерка упал на колени, шипя и морщась.

– Мир! – вскрикнула я, и бросилась к нему. – Пожалуйста, не трогай его!

Мои ладони легли на грудь мужчины, я пыталась поймать его взгляд.

– Назад, Аня, – потребовал он холодно, но оттолкнуть не пытался.

– Пожалуйста... – умоляла я. – Он – мой единственный друг...

Мирослав удостоил меня долгого пронизывающего взгляда.

– Внизу тебя ждет машина, собирай вещи и спускайся, – наконец, приказал он. – А ты остаешься сегодня жить только благодаря ей, – бросил Валере и скрылся в коридоре.

Когда послышался стук двери, я опустилась перед Леркой на колени. Друг сидел, тяжело дыша и тряся головой.

– Лер... – я положила руку на его плечо и, дождавшись, когда он посмотрит на меня, продолжила: – Мир вчера не дал мне умереть...

– Ради себя только, – процедил друг с ненавистью. – Тварь...

– Лер, эта «тварь» теперь – мой...

Кто? Мужчина? Хозяин?

Я не стала заканчивать. Лера попытался притянуть меня к себе, но я отшатнулась:

– Не надо... Лер... Мы с ним оба просто жертвы обстоятельств.

– Вот только не надо в это верить! – подскочил он и заметался по кухне.

– Лера, его обязали подписать договор! – вскричала я, вскакивая следом. – Зул продал меня, как вещь!

– Зул не мог... – мотнул друг головой. – Его наверняка вынудили... Что он тебе говорил?

– Я не слушала, – закатила я глаза, мысленно закрываясь. Чувствовала, что нас с Лерой расщепляет эта ситуация. – Да и не скажет он все равно то, что происходит на самом деле. Меня просто использовали... Лера, хватит!..

Он замер, устремляя на меня отчаянный взгляд.

– ...Все. Просто хватит. Карельский просит меня принять ситуацию и смириться, этим я и займусь. Меня все равно ни-

кто не отпустит... И выбора у меня нет. Когда я вчера попыталась отказаться от него – чуть не умерла...

– Ань... так нельзя! – горячо возразил Лера.

– Да, можно еще, как ты – напороться на гнев Карельского, чтобы он тебя тут же размазал! – гневно выпалила я.

Лерка раздул ноздри:

– Я не собираюсь сдаваться, – горячо возразил он. – Ты – моя родственная душа, я не позволю ему просто так тебя забрать!

И он рванулся из кухни, а потом и из квартиры.

А я осталась стоять посреди своей кухни. Было тошно... В ушах стоял звон моего разбитого вдребезги мира, его осколки хрустели внутри при каждом движении и больно ранили, заставляя морщиться. Больше всего раздражало спокойствие. В душе поселилась какая-то чуждая мне сущность, принимающая ход событий, как должное. Я замерла с сумкой в руке, прислушиваясь, но стоило бросить взгляд на вздыбленную кровать, кровь побежала по венам быстрее, перед глазами потемнело, губы сами приоткрылись, хватая воздух... Я прислонилась к стенке и прикрыла глаза, стараясь перевести дыхание и прийти в себя, но только увязла в ощущениях еще больше. Внизу живота болезненно сжалось, а с губ сорвался стон...

Не сразу поняла, что в кармане джинс зазвонил телефон.

– Аня...

Я перестала дышать вовсе, замерев. Тело начинала бить

крупная дрожь. Номер был незнакомым, но звонившего я бы не спутала теперь ни с кем. Даже если бы он молчал.

– Успокойся, пожалуйста, – прерывисто выдохнул в трубку Мирослав.

– Оставь... меня в покое... – прошептала, дрожа. – Я не хочу... все это чувствовать...

– Ты **ЗОВЕШЬ** меня! – рыкнул он. – А я не железный! Либо бери себя в руки, либо я вернусь и успокою!

Бросив трубку, я подскочила и кинулась к кровати. Схватила простыни и подушки и содрала с матраса, как кожу с воспоминаний. Все полетело в мусор, исчезая с глаз, и мне полегчало.

Открыв сумку, я принялась складывать в нее то, что не позволит мне потерять себя в этой предстоящей борьбе: книги, камешки, травы, чучело домового, плед из лоскутков моей детской одежды... То, что хранило частички меня. Из одежды взяла минимум, прихватила косметичку и уже готова была выскочить на улицу, когда вдруг столкнулась в дверях со слесарем. Оказалось, его вызвал Мир, чтобы починить дверь.

Перед подъездом меня ждала та же машина. Пока мы ехали, я набрала номер Магистра.

– Да, Аня, – голос Зула прозвучал так участливо, что я даже растеряла боевой запал.

– Моя работа...

– На этом все, Аня. Теперь ты – женщина Карельского. А он не отпустит...

– Это правда, что он умрет, если умру я?

– Я не знаю...

Черта с два.

– А как же... Зул Вальдемарович, вы же меня учили столько лет! Что мне теперь делать... с собой?

– Ничего, – голос Магистра с каждым ответом становился все холоднее, будто я спрашивала совсем не то, что нужно. – Аня, тебе дается другой путь. Все, что можешь – идти по

нему.

– Значит, увольняете?

– Само собой.

Все, что мне казалось временной трудностью, все больше приобретало очертания долговременной проблемы. Ступив на порог квартиры Мирослава, я равнодушно проследила, как водитель вошел с моей сумкой и унес ее куда-то по коридору. После он, кажется, поинтересовался, что мне еще нужно, но я не отреагировала, а он не стал настаивать.

Камин в гостиной безмолвствовал, и комнаты казались выстуженными. Где-то в доме плакал маленький ребенок. На душе скребли оборотни...

Я походила туда-сюда, не раздеваясь, прислушиваясь. Ребенок не замолкал ни на секунду, кричал так, словно его режут. Интересно, давно он так разрывается?

Мысли перетекли совсем в другое русло. Я вышла из квартиры и снова прислушалась. Кажется, на этаже ниже. Спустившись по лестнице, я определилась с квартирой и решительно постучалась. Детский крик переместился к двери, и мне тут же открыла молодая женщина с полным набором атрибутики несчастной молодой мамы, которой говорят, что надо перетерпеть – это колики. Красные глаза с инкрустацией сосудов, мятая одежда и грязные волосы дыбком.

– Привет, – холодно поприветствовала я, не глядя на ребенка. – Пропустите.

Девушка посторонилась, и я прошла в квартиру. Походив

по комнатам, последней я заглянула в спальню. Так и есть.

Под потолком в углу сидел огромный полох – существо, очень смахивающее на паука. Черная шкура лоснилась, шерсть шевелилась на длинных лапах, свисающих чуть ли не до середины комнаты. Ничего удивительного – дом располагался рядом с каналом, а полохи – души утопленных. А кому хочется сидеть в холодной воде вечно? Что именно руководило полохами, заставляя их выбираться из водоемов и искать теплое местечко – доподлинно было не известно. Я лично считала, что это было связано с земной историей души полоха. Ее тянуло в прежний мир к конкретной ситуации, которая была сходна с его собственной.

– Здоровая дрянь... – брезгливо поморщилась я.

Девушка с ребенком наблюдала за мной настороженно. Она меня не боялась, и вообще была отправлена мной в «эмоциональную спячку» – так объяснять меньше. Когда я уйду, она меня даже не вспомнит. Полоха из нас троих видели только мы с ребенком, в чем и крылась причина беспокойства последнего.

Трогать тварь руками не хотелось. Мои ладони засветились, кисти удлинились, и я шагнула вперед. Полох зашипел, ворочая большой башкой, устроя, но на большее был не способен. Выдохнув, я ухватила его за лапу и дернула вниз. Он сразу же изъявил желание мне эту лапу оставить на память, заизвивался, вызывая еще большее чувство брезгливости. Но я перехватила его за другую конечность и потащи-

ла из квартиры. Пока мы шли к каналу, полох все больше уменьшался в размерах, затихал, а напоследок вдруг вздохнул пронзительно женским голосом и отправился обратно в воду.

Я еще какое-то время постояла в одиночестве, когда меня вдруг нагнал водитель.

– Анна, – как я терпеть не могла, когда меня так звали, одним именем выговаривая мне сразу все! – Вам что-то нужно? Зачем вы здесь?

– Полоха выбрасывала, – ответила я таким тоном, будто сообщала, что ходила за сигаретами.

Он нахмурился, но все же через силу кивнул:

– Прошу вас вернуться в квартиру.

Мне показалось, мы с ним поменялись местами: он был ведом, а я – полохом. Боялся меня трогать руками и смотрел чуть ли не с брезгливостью. С какой только стати?

– А если нет? – вздернула я бровь.

Лицо мужчины в мгновение застыло.

– Господин Карельский не предполагал такого поворота, – уничижительно сообщил он, – поэтому директив у меня на этот случай нет. Если ваше поведение не будет угрожать вашей безопасности, придется получить распоряжение от... вашего хозяина.

Урод. Вот зачем мне нужен был этот диалог? Узнать, что даже у водителя Карельского больше прав, чем у меня?

– Выпроси поводок в следующий раз у «моего хозяина»,

не придется бегать...

Мужчина красноречиво посторонился, пропуская меня вперед, и я последовала его молчаливому совету.

Захлопнув двери квартиры, я первым делом нашла ванную и крутанула кран с горячей водой. К чертям его запреты! Мне нужно было отогреться... Вымотавшись в эмоциональных метаниях, я вылезла из горячей воды через час, прошлепала голышом в спальню, стянула теплый плед и, закутавшись в него, уснула.

Проснулась от того, что ощутила зверя рядом.

Мой непроизвольный глубокий вдох дал ему знать, что я не сплю.

Кровать прогнулась под его тяжестью, и с меня тут же откинули плед. Я хотела резко подскочить, но сама же себя и осадила: нет смысла... Я отдалась ему, приняла нашу связь. От того, что я буду скакать от него сайгаком, лучше никому не станет, а вот хуже – сомневаться не приходилось.

Я вздохнула глубже снова и задрожала. От прикосновения горячих рук казалось, что воздух вокруг резко выстудили. По коже побежали мурашки. Его большие пальцы легли на выпирающие костяшки бедер, нежно обвели... когда он двинулся выше, я задрожала сильнее. Воздух проталкивался в легкие рывками, дыхание участилось. Он навис надо мной и склонился к самому животу лицом, медленно вдохнул, провел кончиком носа к ребрам. Поднялся выше... Замер.

Мне показалось, он ждал, что я найду в себе мужество взглянуть в его глаза, но я не нашла... Вместо этого облизала пересохшие губы. Послышался его напряженный выдох, и на мою грудь легли его ладони, слегка сжали, обрисовали пальцами соски... Зверь изучал. У него впервые было на это время. А я старалась позволять ему это, не бороться, не дернуться... хотя далось мне это с трудом.

Он коснулся моих губ, уверенно разомкнул их языком и

проник им внутрь. Не отвечать ему было невозможно. Мир как будто ждал моего сопротивления, но я не оправдывала его ожиданий. Наоборот... Подняла руки и уперлась в его грудь ладонями, но не отталкивая, а впиваясь ногтями в кожу.

Зверь одобрительно зарычал мне в губы так, что у меня самой завибрировало в груди. Но вдруг словно сорвался... Резко отпрянул и дернул с моих бедер белье, а с ним – все мои внутренние пружины. Я рывком села на кровати, но он тут же рванул меня за ноги на себя, и я снова упала спиной в подушки, пытаюсь сжать ноги.

– Расслабься, – рыкнул он, но я только больше съежилась, обхватив себя руками. – Аня...

Он шумно выдохнул и замер, оглаживая ноги. Его грудь ходила ходуном, но руки снова двинулись к животу, пальцам вернулась чуткость. Я чувствовала, что это терпение стоит зверю всей его выдержки. Мир медленно и не спеша оглаживал живот, грудь, повторял путь пальцев губами, возвращая пугливое желание. Когда его губы сомкнулись на соске, голова закружилась. Я всхлипнула и прикрыла глаза, расслабляясь, опустила руки на его плечи, робко оглаживая.

Чувства, хлеставшие внутри, сводили с ума от противоречий. Я ненавидела его, боялась, мне претило то, как меня ему продали. Но то, как он сдерживал свою звериную природу и явную жажду близости, давало какую-то призрачную надежду.

Он осторожно подтянул меня к себе, скользнул влажными пальцами между ног, увлажняя лоно, и резко толкнулся, закидывая ноги себе на плечи. Я лишь глухо вскрикнула, а он вдруг нежно коснулся губами лодыжки, провел по ней языком и следом осторожно прикусил, пуская по телу горячую волну, сметающую все ожидания. Но времени прийти в себя не дал, переходя в жадный хлесткий ритм. Его не устраивал стон, он требовал крика. И я кричала, забывшись, отдавшись в его руки полностью... Мои пальцы впивались в простыни, в горле пересохло, а в животе скручивался колючий горячий клубок, грозящий разнести меня на осколки.

– Пожалуйста... – всхлипнула еле слышно, задыхаясь.

Мирослав резко вышел и, перевернув меня на живот, неожиданно скользнул языком между ягодиц. Жесткие руки обхватили бедра, не позволяя вырваться, а от действия мужчины разум заволокло туманом. Его язык то нежно касался тонкой кожи, то срывался резко вниз к самому чувствительному узелку, опалая жаром, от чего внутри все сжималось. Мне казалось, я не выдержу. К счастью, не только мне... Мирослав напоследок обвел языком ямочки на пояснице и снова вошел в меня, вдавливая тело в подушки. Он уже не спешил, чувствуя, что мы оба на грани. Проникновения стали глубокими и сильными, беспощадно приближая к финалу. И он не заставил себя ждать, напоминая выброс огромной волны на берег, разметавшей то, что еще оставалось от меня, в пену...

– Не выполняешь... моих требований, Аня? – прошептал он мне в спину, тяжело дыша.

– Я... замерзла, – дернулась под ним, но проще было сдвинуть грузовик.

– Согрелась? – усмехнулся он и, не дожидаясь ответа, поднялся.

Не удостоив меня более внимания, Мир вышел из спальни, и лишь когда он скрылся из виду, я моргнула, понимая, что пялилась на его обнаженное тело. Поднявшись рывком, я замоталась в простыню и вылетела в гостиную. Мирослав стоял у камина, сложив руки на груди.

– Мне сказали, что я уеду с тобой! – гневно выпалила я, останавливаясь в паре шагов.

– Ты – моя, – скосил он на меня глаза, – поэтому да, уедешь...

– Кто я для тебя, Мирослав? Что меня ждет?

Он повернул голову и склонил ее также, как тогда с Леркой. На его скулах и груди притягательно запрыгали отголоски пламени, глаза угрожающе сверкнули. Я ожидала, что тоже упаду на колени, но ничего подобного не произошло.

– Зависит от твоего поведения, – ответил Мир неожиданно спокойно.

Меня захлестнула злость.

– А как себя может вести твоя «вещь»?!

Он вдруг рванулся ко мне и яростно дернул с меня простынь:

– Во-первых, не прятаться от меня! – зло скомкал ее и отбросил в сторону. – Во-вторых, ты – не вещь! – рывкнул он так, что я шлепнулась голым задом на пол. Мирослав подошел ко мне, ничуть не стесняясь своей наготы, в отличие от меня: – Ты – моя Истинная. Когда я приведу тебя в свою семью, к тебе будут относиться, как к моей избранной. Если я услышу, что ты называешь себя «вещью» – убью, Аня. Как и любого, кто будет к тебе так относиться. Ясно?

– Отпусти меня... – жалко прошептала я, глядя на него снизу-вверх. – Я знаю – ты можешь...

Зверь шумно сглотнул, глаза его налились пугающим ледяным металлом. Он опустился рядом, не спуская с меня глаз:

– Никогда, – прозвучало холодно, а мне послышался отчетливый лязг замка на моей клетке, – и не проси больше об этом.

Он поднялся и вышел из гостиной, а я еще долго сидела на полу, приходя в себя. Мне некуда было пойти, в этом месте ни один уголок не принадлежал мне... Подтянув под себя ноги, я оперлась спиной о стену и смотрела на пламя в камине до тех пор, пока веки не стали тяжелыми и я не уснула.

След был большим... Снежинки уже припорошили его, но я четко видела очертания внушительной лапы. Присмотревшись, заметила красную бусинку в центре, как будто тот, кто оставил след, был ранен. Я принялась... Пахло кровью. Захотелось лизнуть, но я сдержалась... Следы уходили в сторону склона – зверь явно направлялся на скалу. Я переступила с лапы на лапу. Хотелось броситься за ним, но я чувствовала – это не мой путь. Снег шел, следы замечало все больше...

Меня разбудил его голос. Я вскинулась в кровати и перевернулась на живот, запутываясь в пледе еще больше. Мирослав говорил с кем-то в гостиной, но, так как я не слышала его собеседника, поняла, что общался он по мобильнику. Короткие ответы-команды – не более, никаких эмоций вообще. Сжав руки на одеяле, я вдруг почувствовала на большом пальце правой руки широкое кольцо.

Оно было из белого тяжелого металла, без камней, но все сплошь покрытое какими-то рисунками-знаками. Бороздки букв были наполнены чем-то черным, от чего знаки казались ярче. Догадка поразила меня внезапно. Я попыталась содрать кольцо, но ничего не вышло.

– Нет, Кир, – послышался более громкий рык Карельско-

го. – Все решено. Тема закрыта.

Я услышала его шаги в сторону спальни и еле подавила желание броситься под плед. Мирослав застыл на пороге комнаты, устремляя на меня взгляд. Мне стало интересно, чем он здесь занимался, раз был вынужден ходить в строгом костюме, который, на удивление, ему невероятно шел.

– Мы уезжаем завтра, – бросил он, когда наши взгляды встретились. – Сегодня можешь провести день так, как хочешь. Водитель в твоём распоряжении...

– А без водителя можно?

– Можно. Посидеть в квартире. Вечером Зул ждет нас на... – он усмехнулся, – вечере. В честь подписания договоров о сотрудничестве.

– За что ты так ненавидишь ведов? – позволила себе вопрос.

– А того, что произошло, недостаточно?

– А ты уверен, что виноваты именно мы? У тебя с таким характером наверняка полно доброжелателей.

Он посмотрел на меня со снисходительной усмешкой, как на глупую девочку.

– С моим характером? – двинулся к кровати, недобро шурясь. – Ты думаешь, мой характер – исключение, и я заслуживаю ту задницу, в которой оказался?

А вот теперь от него шла явная угроза. Глупо. Нашел, на кого рычать.

– Я не знаю, – пожала спокойно плечами, – по мне – до-

вольно заносчивый, самоуверенный и вспыльчивый.

– Был бы я вспыльчивый, Аня... – он встал на край кровати коленями, нависая надо мной, и я съежилась, – ты бы сейчас вряд ли смогла сесть на свой симпатичный зад.

– То есть, для вас нормально заниматься рукоприкладством?

– Звери любят пожестче, но не со своими женщинами. Своих мы оберегаем.

– И бегаете на сторону срывать винтики?

Он рассмеялся, обнажив идеально ровные белые зубы с чуть удлиненными клыками. Оторвать взгляд было невозможно.

– Я не знаю, – пожал, наконец, плечами, оценивающе глядя на меня. – Пока меня все устраивает.

В моей груди вдруг запульсировало незнакомое звериное рычание, и я, сама не ожидая, кинулась на Мирослава. Надо было видеть его лицо! Хотя не все эмоции, промелькнувшие на нем, мне были понятны: удивление – ладно, а вот чем он восхищался в данный момент? Сидящей на нем голой и рычащей мной? Одним движением я разорвала на нем рубашку и полосонула не пойми откуда взявшимися когтями по груди.

Знала бы, что так умею, хрен бы он зажал меня в углу той гостиницы! Но состояние непонятного помешательства схлынуло также стремительно, как и появилось, и я с ужасом воззрилась на результаты своих действий.

Мир не шевелился, все также блуждая по моему лицу любопытным взглядом. Губы мужчины кривились в неуместной усмешке, он словно не замечал набухающие кровью полосы от моих когтей.

– Рукоприкладством, говоришь? – усмехнулся шире. – Да ты дикая кошка, Аня, а прикидываешься безобидной овечкой.

Он резко вывернулся и опрокинул меня на спину, подмяная собой.

– Прости... – выдохнула я, сжимаясь. – Я не знаю, что это было.

– Прекрати извиняться, – вдруг зло рявкнул он. – Бесишь своим блеяньем! Это Зул научил тебя считать себя овцой?

Он вдруг уставился на меня пугающим злым взглядом, на его лице заходили желваки. Остатки рубашки отлетели в сторону, а на моих запястьях сомкнулись стальные пальцы. Я жалко всхлипнула в ужасе и забилась под ним. Стало также жутко, как в первый раз в гостинице.

– Пожалуйста, не надо! – проскулила я.

– Заткнись! – зло рявкнул он. – Мне не нужна безвольная подстилка, которой ты прикидываешься.

– Я не...

– Я сказал заткнуться! – процедил зверь. – Хочешь знать, как мне нравится?!

Он перевернул меня, скулящую от страха, на живот и больно выкрутил руки за спину.

– Не надо! – рыдала я. – Пожалуйста!

– Не знаю таких слов, – равнодушно заметил он и запустил ладонь мне между ягодиц. Жесткие пальцы бесцеремонно скользнули к туго сжатому колечку, надавили, давая мне ясно понять о его намерениях.

– Сволочь! – рыкнула я и с силой дернулась.

– А вот это уже лучше, – последовала издевательская усмешка. Он убрал на секунду руку и вернул уже увлажненные слюной пальцы, надавливая сильнее, почти проникая. – Буду трахать тебя так, как захочу, овечка, – зверь куснул меня больно за ухо, и я зарычала. – Иметь во все дыры...

С последним его словом во мне что-то лопнуло, словно пузырь, и рванулось наружу. Когти удлинились, я зашипела и дернулась со всей силы. Но он не выпустил. Дал только перевернуться на спину и вцепился в запястья, не позволяя себя оцарапать. Я билась в его руках, рыча и выгибаясь, а зверь смотрел, сосредоточенно и серьезно. Мышцы всего его тела напряглись, глаза хищно сузились, но довольно блестели.

– Умница, – наконец, выдохнул он, когда моя агония начала стихать, а шипение обернулось предупреждающим воением – так подвывают загнанные в угол кошки в минуты опасности и страха. – Даже так?

– Иди к черту! – рыкнула я, пытаясь прекратить выть.

– Теперь только вместе с тобой, – оскалился он, но тут же требовательно добавил: – Ты поняла, кто ты на самом деле?

Я тяжело дышала, зло глядя на него из-под спутанных

прядей:

– Что ты со мной сделал? – выдохнула испуганно.

– Выпустил тебя настоящую, Аня, – в его голосе послышалось разочарование и непонятная мне злость.

Он резко поднялся с кровати и вышел из комнаты. Вскоре я услышала шорох дверцы встроенного шкафа, а потом – звук с силой хлопнувшей двери.

Я еще долго дрожала под одеялом, глядя на свои трясущиеся руки. Всей моей квалификации не хватало понять, что со мной происходит – веды не шипят и не полосуют никого когтями. Все это пугало неизвестностью до чертиков: мне необходимо каждую минуту быть в себе уверенной, ведь вся сила психика держится на уверенности в ней... Если верить «Матрице», так вообще могла бы пули на ходу останавливать, и наши говорят – для психиков это реально. Не понимать себя, наоборот – фатально.

– Возьми себя в руки, Аня... – скандировала я себе, так кстати вспомнив подходящий голливудский фильм, – вставай...

Но мне, в отличие от героини «Матрицы», не помогало. Все, что смогла – дотянуться до мобильного, но тут же отбросила его подальше: теребить лишний раз Леру не стоило, он и так был сам не свой. А еще этот долбанный вечер!

Внезапно в груди завибрировало от злости: а не пошло бы оно все! Карельский вон не пугается меня, даже овцой перестал называть! Значит, впечатлила.

Мысли, наконец, перестали метаться и потекли в чашу моей уверенности, унимая дрожь. Та, по ощущениям, даже переполнилась в какой-то момент, и я поспешно отбросила плед.

– Я покажу ему овцу! – прорычала зло под нос.

Зная Зула, сомневаться в уровне приема не приходилось. И я на них бывала постоянно, даже несколько платьев имелось. Только дома.

Быстро собравшись, я задумалась, как найти водителя, но тот объявился сразу, стоило мне открыть двери. Окинул равнодушным взглядом, посторонился... Но когда я уже ступила к лифту, бросил:

– Мирослав Владимирович просил вам передать...

Пришлось обернуться. Водитель протягивал мне кредитку.

– ...Чтобы вы нашли что-либо подходящее из одежды на вечер.

Смерила его взглядом и равнодушно обернулась к лифту.

– Отвезете меня домой?

Он не снизошел до ответа, просто молча шагнул за мной в лифт. По дороге я попросила остановиться у первой попавшейся аптеки. Столь небезопасная интимная связь с оборотнем меня не устраивала, и я совершенно спокойно приняла решение озаботиться проблемой сама, раз Карельскому плевать.

Первой я выпила таблетку экстренной контрацепции там же в аптеке, вторым делом купила упаковку противозачаточных. Проблема оставалась в интервале: таблетки начинают пить только с первого дня цикла, экстренная пиллюля не спасет до его начала.

– Плохо себя чувствуете? – поинтересовался водитель, стоило вернуться в машину.

– Нет, – холодно бросила я. – Теперь ко мне домой...

Чувствовала я себя на удивление очень хорошо. В теле лениво блуждала какая-то незнакомая, но безумно приятная энергия, словно ожидая часа прорваться наружу, как тогда, в страхе перед действиями Мирослава.

Я уселась на кухне, помешивая чай и размышляя...

Более непонятного мужчину я не встречала в жизни. Зверь в человеческой шкуре, холодный, жесткий, расчетливый и равнодушный. Прикоснуться к нему страшно, сказать что-то не то – невысказано, встретиться с его взглядом – сродни провалиться в зимний бочаг и захлебнуться жидким льдом. Он взрывался не пойми от чего и словно перевоплощался в настоящее животное, готовое перегрызть глотку. Я помнила его рык «Беги, тварь ...» – такое сложно забыть. Только за что? А потом вдруг резкое приятие ситуации... Боялся своей смерти? И на самом ли деле ему грозила смерть также, как и мне? Неужели я реально стояла того, с чем он ради меня расстался? Сомнительно... А ведь мог попробовать распутать узел этого колдовства и принуждения!

Я встрепенулась, неосознанно вскакивая с кресла и вглядываясь в окно. То, что ему это было не нужно, ничего не значило! А что, если найти ту нить, потянув за которую, колдовство развяжется? Теоретически это было возможно.

Любые заклятья делались на крови...

Вдруг голова немного закружилась, а перед глазами всплыло странное видение – звериный след в снегу, в центре которого алой бусиной лежала капля крови... Подсознание подкидывало версии? Я где-то видела эту картинку или придумала сама? Если Мир был в звере, значит, его кровь могли взять только в звериной ипостаси. Но главное – как умудрились приплести меня? У меня не брали кровь! Я две недели жила у Варвары...

Брови сдвинулись на переносице: Варвара...

Могла ли она предать? Если заставили, то да... Могли заставить? Вполне. Только кто? Кому это понадобилось? Зулугу? Как еще объяснить, что не успела я добраться до офиса, а он уже тыкал Мирослава носом в контракт? Хотя будучи мастером управления временем, он мог просто оперативно получить информацию и извлечь из ситуации пользу.

И?! Что может рядовой психик против Магистра «энд ко»?

Ни черта!

Рычать, шипеть и огрызаться, сидя на поводке у Карельского.

Я прошла к шкафу, выбрала обтягивающее черное платье в пол – самое то для траура, но, пока записывалась в любимый салон красоты, передумала. Почему – не знаю, но рука потянулась к серебристому, расшитому мелкими камнями. Я надевала его лишь в магазине, и так и не решилась никуда в нем выйти – очень дорогое платье, казалось, затмевало

меня — то, что нужно, чтобы отвести от себя взгляды на сегодняшнем вечере.

Вечер... Кто там будет? Зачем это все? Игались бы сами в свои мужские игры! Мне как никогда хотелось прикинуться «предметом договора» и пересидеть дома, но я, в очередной раз взяв себя в руки, выскочила к машине с платьем и туфлями в пакете, изо всех сил стараясь не думать, когда теперь вернусь.

Улицы уже утонули в сумерках и пробках, когда я вышла из салона на морозный воздух. Платье обнимало, словно коконом из льда, не грея. Но мне неожиданно понравилось это морозное прикосновение. Постояв немного под крыльцом, я нехотя направилась к авто.

– Мирослав ждет, – заметил водитель с раздражением, будто ни для зверя, ни для него это недопустимо в принципе. Я промолчала.

Как я и думала, Магистр собрал всех в своем излюбленном месте – ресторане «Другие небеса». Все по самому высшему разряду: сверкающие дорожки, пресса у входа и полный состав института в качестве приглашенных. Я только успела сбросить с плеч пуховик на сиденье и подхватить клатч, как машина замерла у дорожки и дверь тут же открылась. Мирослав наклонился, подхватил мою ледяную ладонь, и я оказалась в его руках. Зверю было плевать на десятки устремленных на нас глаз. Он рывком прижал меня к себе, скользнул носом по шее, шумно втягивая воздух. Замер на секунду, выпрямился и повел меня внутрь, не говоря ни слова.

– Что это было? – мне надоело ни черта не понимать в его поведении.

Ожидаемо даже не удостоил взгляда, но снизошел до от-

вета:

– Питер забивает меня таким количеством отвратных запахов, что хочется блевать... Твой облегчает... состояние.

Сбоку от меня вдруг откуда-то взялся Кирилл:

– Впечатляет, – только и сказал он, красноречиво осматриваясь, а Мирослав лишь недобро усмехнулся.

В присутствии Кирилла хотелось сжиматься. Я прильнула к Мирославу, стараясь не смотреть на его брата, но все же чувствовала его внимание. Его оценивающий взгляд прошелся по мне, задержавшись на грани дозволенного, и нехотя соскользнул. Он пугал меня, пожалуй, даже больше Мира.

В здания нас встретил хостес и провел к полукругу лифтов в центре роскошного холла.

– Что захотел Зул в обмен на меня? – спросила я, едва створки лифта захлопнулись.

Я видела, как уставился на меня в изумлении Кирилл, но Мирослав воспринял вопрос удивительно спокойно.

– Мою лояльность...

Я одарила зверя непонимающим взглядом.

– Наш с Киром отец недавно скончался, – продолжил Мирослав, расслабленно глядя на меня. – Зул боялся моей агрессии...

– Твоей? – я непроизвольно глянула на Кирилла, и тут же пожалела об этом. Оборотень не спускал с меня жгучего взгляда, и сложно было понять, что за ним кроется...

– Моей, – хищно оскалился Мир. – Я бы прижал ведов

так, что ни одного бы не осталось на моей территории.

Взгляд Кирилла метнулся к брату, глаза недобро блеснули.

– А теперь, получается, не прижмешь? – пытливо глянула в глаза Мирослава, чувствуя, что ступаю по тонкому льду, и тот уже хрустит под ногами.

– Отчаянная, – усмехнулся Кирилл, качая головой.

Взгляд Мирослава вдруг изменился. Он словно резакom вошел им в меня, и, будто снимая корочку, потянул его вниз... Под ним, казалось, затрещала ткань платья, слышался звон осыпающихся дорогих бусин, и лед подо мной хрустнул... Но Мир вдруг сам же меня и поймал, притягивая ближе:

– Получается, так... – выдохнул мне в губы и вдруг насто-роженно подался носом к шее... но тут створки лифта распахнулись, и мы оказались в большом зале ресторана.

«Другие небеса» чем-то напоминал кабинет Магистра, только в несколько раз больше. За панорамными окнами догорал умопомрачительный закат над морем облаков, а позже – я знала – небо расчертят огни северного сияния. Гости уже ожидали, держась ближе к барной стойке, и, стоило нашей троице выйти из лифта, как все взгляды молниеносно облепили нас.

Стало понятно, что именно праздновал Зул – победу над врагом. Без войны. И чувства Мирослава мне тоже были понятны. Если он занимал агрессивную позицию, значит на то

были причины – в них я пока не видела смысла углубляться. Но ведь это значило, что все подстроил именно Магистр!

– Господа...

А вот, собственно, и он. Мягко подкрался, ничем не уступая оборотням, ослепительно улыбнулся...

– Аня, – отдельный кивок в мою сторону. – Прошу вас.

Зул Вальдемарович повел рукой в приглашающем жесте и громко возвестил:

– Коллеги, прошу приветствовать наших северных гостей...

– Смотри, детка... – зло усмехнулся мне Мирослав на ухо. – Узнаешь этих людей?

Я понимала, что он имеет ввиду. Мои коллеги, знакомые стояли сейчас и лучезарно улыбались пламенной речи Зула, в которую я не вслушивалась. Магистр сделал все, чтобы моя продажа выглядела, как добровольное пожертвование... Ну, то есть, «подложничество». Ушлая Воржева легла под врага, чтобы империя северных смогла жить спокойно в условиях изменившейся политики. Мне дадут медаль? Кажется, нет...

Ступая рядом с Миром, я собирала на себе весь спектр взглядов, как раньше камешки-заговорники в лесах Карелии. Коллекция сразу же получалась занимательной: были тут непонимающие, пара сочувствующих, но в основном я видела осуждение, неверие и зависть... Я прямо читала эти мысли бегущей строкой в их глазах: «А Воржева в Карелии даром времени не теряла». И ведь большинству невдомек,

что зверям обычные женщины даром не нужны, ну разве что поразвлечься... Мирные союзы из-за них никто заключать не будет.

Лишь бы Валеры не было здесь...

Атмосфера лицемерия цвела вокруг подобно северному сиянию, что расплескалось за окнами. Зул сидел за нашим столом, вел с Карельскими деловые беседы о политике, вплетая в них ключевые моменты сотрудничества: возвращение филиала нашего института в Сортавалу, который "вдруг" закрылся на бессрочный ремонт полгода назад, упрощение получения ведовских виз в Карелию, получение трех мест в собрании правящих вместе с правом голоса... Я замечала, что больше отвечал Мир, оставляя Кириллу второстепенные вопросы. Зул периодически бросал на меня проникновенные взгляды, но я их избегала: продал, так что уж теперь переживать?

Я предпочитала смотреть на Мира. Со мной он был не таким, здесь – настоящим правящим. Прямым, острым и холодным. Зул пытался расслабить его какими-то сторонними темами, Мир срезал его на ходу, возвращая в русло сухой деловой беседы. Хотя, зная Магистра, скорее, можно было предположить, что он просто проверял своего союзника. Я видела, как довольно он кривил губы после каждого раунда. А Мир периодически окидывал хмурым взглядом гостей и еле заметно неприязненно кривился.

– И, кстати, Аня теперь могла бы стать главой ведов у тебя... – заметил Магистр как бы невзначай. – Если решишься

на это, я приму ее кандидатуру...

Я даже не успела испугаться умелому вплетению меня в политику.

– Давишь, Зул, – холодно отметил Мир. – Я не с потрохами проданся, а лишь пошел на уступки. Ведовскую службу мы еще не ввели...

Неожиданно стало так тошно, что замутило по-настоящему.

– Мне надо в туалет... – выдавила я и бросилась в уборную, стараясь не смотреть ни на кого.

Но стоило нависнуть над раковиной, хватая ртом воздух, за мной следом влетел Мирослав. В два шага оказался рядом и, обхватив руками со спины, прижал к себе.

– Аня... – тихо выдохнул на ухо, а мне и вправду стало так хреново, что начала бить крупная дрожь.

Наши взгляды встретились в тускло освещенном зеркале. Только сейчас я заметила, что ниже его чуть ли ни на две головы...

– Уйди, пожалуйста... – прошептала я, но не сдержалась: – Можешь быть доволен...

– Чем мне быть довольным? – со свистом выдохнул он. Его глаза зло блеснули.

В двери кто-то попытался войти, но стоило Миру рывкнуть «Вон пошла!», и мне на помощь уже вряд ли кто еще посмеет сунуться. Кажется, это была Зорька... Не очень дипломатично вышло... Я прыснула от этой мысли, скривив-

шись, а он развернул меня и впился в мои губы. И я отчаянно рванулась зверю навстречу... Я знала – он сможет сделать так, что все то дерьмо, что окружало сейчас, покажется мне цветущей полянкой. Но я проиграла сразу... Внешняя подпорка, которой я недавно обзавелась, (внутреннего стержня – я уверена – у меня не было) тут же испарилась, и я обмякла в его руках, позволяя зверю все: запустить язык себе в рот, задрать платье и без церемоний рвануться рукой мне между ног... Я застонала, хватаясь руками за его плечи, ...

...Когда он вдруг сомкнул пальцы на моем горле...

– Что ты с собой сделала... – он пугал меня раньше? Черта с два... вот теперь он напугал меня так, что сердце едва не остановилось. Я широко распахнула глаза, приоткрывая рот. – ОТВЕЧАЙ!

– Что... – все что могла – хрипеть.

– Твой запах изменился! – рявкнул он, тряхнув меня. Я обхватила его руку мокрыми ладонями. – ЧТО. ТЫ. СДЕЛАЛА?!

И тут до меня дошло – таблетка...

– Я выпила таблетку контрацептива...

– Ты... – выдохнул он изумленно, – ...убиваешь жизнь... которую я мог тебе дать?!

– Мир! – послышалось вдруг от входа, и в уборную вошел Кирилл. – Не надо. Она не знала.

Пальцы Карельского дрожали на моей шее, словно боролись с желанием эту шею свернуть. Наконец, он толкнул меня к стене и, обернувшись к зеркалу, одним взмахом разнес его вдребезги. К моим ногам рванулся сверкающий дождь осколков, а Мир вылетел из туалета.

Машина больше стояла, чем ехала, и мне казалось, что я в какой-то ловушке. Я сидела на заднем сиденье, поджав под себя ноги, и бездумным взглядом смотрела в окно.

– Аня... – подал вдруг голос Кирилл, сидевший рядом и являвшийся причиной того, что я чуть ли не вжималась в противоположную дверь. – Ты как?

– Фантастически...

– Ему тяжело, тебе не понять...

– Куда уж мне! – вспыхнула я, резко оборачиваясь. – А вы попробуйте еще меньше объяснять! Тогда каких-то парадней – и он прервет мои мучения и задушит...

– Хватит! – рыкнул Кир, раздув ноздри. Я заметила, что

он яростно сжимает кулаки и смотрит на меня так, будто кинется... Час от часу не легче! Мне моя прежняя жизнь казалась беспросветной хандрой?! ХА! – Ты просто ни черта не облегчаешь ситуацию! Наши женщины готовятся для мужчин чуть ли не с рождения!

– А как же истинность? – взыграло во мне любопытство.

– Мы еще детьми понимаем, кто наша пара... – сказал он странным тоном, будто сомневался в этом.

– А Мир?

– У Мира нет истинной, он проклят.

– За что? – подрастеряла я пыл. Что-то такое уже говорил Магистр, но это напрочь вылетело из головы...

– Я не могу сказать тебе. Но, не имея истинной, мужчина не может занимать место в семье... – заметил Кир. – Только от истинной могут быть дети... Дети – продолжение рода. Не можешь продолжить род – никто.

– Я что же, нужна ему, как инкубатор? – скривилась презрительно. – Билет на престол?

Кир крепко ругнулся.

– Теперь понимаю, почему Мир так бесится от тебя! Оборотни не разделяют все, что могут разделить люди, Аня! Мы любим, заботимся, испытываем желание и... – он вдруг шумно сглотнул, запнувшись.

Его взгляд дрогнул, и Кир отвернулся к окну.

Полное попадалово... Еще и против воли...

– Неужели никак нельзя сопротивляться?

– Зачем переть против природы? – все больше раздражался Кир.

– Против принуждения, – я делала вид, что не замечаю этого.

– Вот вы и прете, – процедил он. – Оба...

Кирилл проводил меня до подъезда и сразу же направился в сторону набережной.

Квартира зверя встретила безрадостным холодом... Осто-чертевшим до глубины души! Я рванула с себя платье, туфли и зашвырнула все в камин, сдобрила дровами... и скрутилась рядом, глядя на нерешительное пламя... Стекла-бусины чернели, покрываясь копотью, осыпались с перегрызенных огнем поводков-ниточек... Цена свободы. Без крови не выдраться...

– Не подходи... – прошептала я, не оборачиваясь.

– Аня... – выдохнул Лера удивленно. – Я пришел за тобой.

– Он убьет тебя, второй раз предупреждать не будет.

– Не убьет, если ты прекратишь перечить и пойдешь со мной!

– Не пойду! Не хочу твоей смерти! Что ты сделал с охранником?

– Усыпил.

Я не оборачивалась.

– Уходи...

– Ты бы бросила меня?

– Тебе не тягаться с Карельским, – я вскочила на ноги и

обернулась: – Лера, не усложняй мне жизнь! Прошу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.